

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

МАГИ БЕЗ ВРЕМЕНИ

Сергей Васильевич Лукьяненко
Маги без времени
Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48671502

Маги без времени: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-120990-2

Аннотация

В Империи, где без малого век правит Тёмный Властелин, живётся не так уж и плохо. Натурфилософы постигают тайны науки, народ не бедствует, полиция охраняет порядок, а рунное волшебство – доступно всем. Вот только у волшебства есть цена, и за любое чудо придётся платить самым дорогим, что у тебя есть. Особенно, если ты стал врагом повелителя Тёмной Империи.

Содержание

Эттир первый	5
Руна пятая, Райдо	5
Руна седьмая, Гебо	20
Руна двадцать вторая, Ингуз	36
Руна третья, Турс	53
Руна одиннадцатая, Исаз	70
Руна первая, Феху	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Лукьяненко

Маги без времени

© С. Лукьяненко, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Эттир первый

Руна пятая, Райдо

Чуть позже я подумаю, как дошёл до жизни такой. Чуть позже, когда будет время.

А сейчас я стоял на потолке полутёмной залы, рядом со свисающей хрустальным водопадом люстрой. Мои ноги безжалостно пачкали старые фрески, изображавшие Шесть Героев Великой войны в момент их триумфа и гибели. Мои руки свисали вниз, к полу, и я пытался нацелиться на врага указательным пальцем.

Враг таился пятью метрами ниже – особняк доктора Ирбрана был по-настоящему богатым и просторным. Стены бальной залы (к чему она старому одинокому доктору – не знаю) терялись во тьме. Свет шёл только с улицы, от редких газовых фонарей и от потолочных фресок, написанных модными полвека назад светящимися красками.

Я на фоне светящегося потолка был виден прекрасно, а вот мой враг, бесшумно перемещающийся по натёртому паркету, – нет.

Может быть, это сторожевой пёс?

Только бы не пёс! Я люблю собак.

Нацелив палец точнее, я вызвал из памяти руну электричества. Мысленно нарисовал её на кончике пальца и влил десяток секунд.

Яркая голубая искра ударила вниз, клюнула врага и на мгновение осветила залу.

Ой-ёй!

Беру свои слова обратно, лучше бы собака!

Тварь на паркете походила на ребёнка лет девяти – голого, с неестественно широкими плечами, покрытого мелкой блестящей чешуёй с головы до ног. Возможно, когда-то тварь и была человеческим ребёнком – пряди волос, пробивающиеся между чешуйками на голове, и глаза выглядели совсем обычными, детскими. А вот рот с острыми зубами был слишком велик, и такие когти на руках и ногах никакой ребёнок не отрастит. Как он ходит-то по паркету, не клацая когтями?

Электрическая искра никакого вреда твари не причинила. Она лишь оскалилась, жадно глядя на меня и жуя воздух зубастым ртом. Языка, кстати, у существа не наблюдалось.

Решение идти по потолку было очень затратным, но оно меня спасло. Во мраке особняка существо подкралось бы ко мне совершенно незаметно. Его и выдал-то секундный от-

блеск на чешуйках.

Но похоже, что существо не умело летать, высоко прыгать и звать на помощь. Скорее всего, оно было совершенно безмозглым, глупее любого сторожевого пса. Несчастный зубастый уродец, гость из далёкого прошлого, гроза неосторожных воришек. Так что можно продолжать движение...

Я пошёл дальше прямо по фреске, безжалостно топча лица Героев – от Первого, юного и безусого, до Шестого, сгорбленного и седого. Обогнул люстру. Ещё раз глянул вниз – тварь исчезла. Я вызвал руну света, вложил в неё три минуты и спроецировал себе на лоб. Смешно, знаю, но так удобнее всего. Покрутил головой – яркий луч обежал пустую залу, выхватывая из темноты сдвинутые к стенам и закрытые чехлами стулья, тёмный провал давно не топленного камина.

Куда исчезла тварь?

Надо поторопиться.

Хоры проступили из темноты неожиданно. Когда-то, в пору юности хозяина особняка, когда здесь действительно случались балы, на маленьком балконе, выходящем в залу, сидели музыканты – скрипач, флейтист, клавесинист. Кстати, клавесин остался – старомодный, на четыре октавы. Крышка была открыта, струны обросли пылью, на клавишах тоже лежала пыль.

На всех, кроме дальних от меня.

И самых близких к приоткрытой двери, ведущей с хоров в глубину дома.

Я выбросил вперёд руку, вливая в Турс, руну удара, десять минут времени. Многовато, наверное, но я испугался. Маленький уродец оказался не так уж и туп!

И очень быстр.

Он прыгнул через клавишину, с неожиданным изяществом перемахнув крышку, и вытянул руки, целясь мне в горло.

Магия ударила его в полёте. Чешуя на груди создания промялась, будто от удара молота, он отлетел к двери, распахнул её спиной и с грохотом покатился вниз по невидимой лестнице. Сама тварь никаких звуков не издавала, но я понимал, что она цела – и очень, очень зла.

Доктор Ирбран не поскупился на стража.

Сильного и быстрого. И не такого уж лёгкого, как можно было предположить на вид.

Я пробежал вдоль хоров, спустился по стене до открытых дверей залы, перешагнул через притолоку. Самый неприятный момент – и до пола очень уж близко, и смена направления крайне неприятна, словно карабкаешься в гору, а потом стремительно бежишь вниз.

За дверями оказался длинный коридор, с окнами по одной стене и портретами на другой. Потолок здесь был без фресок, но с опорными балками-матицами, через которые приходилось перепрыгивать. Луч света из моего лба белым пятном прыгал в конце коридора. Руки приходилось прижимать к бокам – здесь до пола было близко, а тварь, как я убедился, умела прыгать.

А кстати – вот и она!

Уродец почти беззвучно бежал вслед за мной – хорошо, что по полу. Я обернулся и поймал взгляд его человеческих, детских глаз. Очень хотелось бы думать, что в этих глазах читалась мысль: «Убей меня, маг, избавь от мучений!»

Увы, всё что там было, – ненависть и желание разодрать мне горло.

По-хорошему стоило бы выбить одно из окон и убежать. Однако в особняке царила тишина, словно прокатившийся кубарем охранник никого не разбудил. Может, и так; бальная зала – в левом крыле, а лаборатория доктора – в правом.

А вложенной в прогулку по потолку недели было безумно жалко.

Коридор заканчивался, а я всё перебирал в памяти руны. Достичь нужного эффекта можно разными способами, и только глупый маг станет зря тратить время.

Наконец я выбрал руну. Вызвал её в памяти, впитал ро-счерк линий – и наполнил полными сутками своей жизни.

Развернулся к уродцу. Тот заподозрил неладное и начал тормозить, но он слишком уж разогнался.

Я наложил руну прямо на него.

Вся беда с рунами сна, паралича и даже смерти в том, что они действуют не на всех. У человека может быть защита от данной руны, может быть индивидуальная невосприимчивость. А у твари, подобной моему преследователю, могло вообще не быть потребности в сне, вместо мышц и нервов

его тело могла наполнять вонючая магическая протоплазма, способное остановиться сердце тоже могло отсутствовать.

Зато всё живое имеет вес.

Уродец рухнул на пол и забарахтался, слабо шевеля конечностями. Когти с противным скрежетом царапали паркет, вырезая из него спирали стружек. Он пытался ползти, но когда ты внезапно стал в десять раз тяжелее, это не очень-то получается. Первый раз за всё время тварь издала низкий утробный рык.

– Бывай, – сказал я, спрыгивая на пол и выходя из коридора. Прикрыл за собой дверь, оставив тварь корчиться на полу. Через четверть часа заклинание рассеется, но этого времени мне хватит.

Карты этой части особняка оказались лучше. Я сразу понял, как идти – через оранжерею. Здесь, увы, по потолку двигаться было невозможно, стёкла бы меня не выдержали. Оранжерея оказалась куда ухоженнее бальной залы. В горшках и вазонах росли многочисленные травы и кустарники, названий которых я большей частью не знал. Имелось и несколько деревьев, для одного из которых – старой пальмы, обросшей пожухлым растительным мочалом, – в стеклянном потолке оранжереи был выстроен высокий купол. На пальме росли какие-то плоды, похожие на кокосы, но ярко-красного цвета и с шевелящейся бахромой. Я на всякий случай обошёл пальму как можно дальше. Какая-то тёмно-зелёная растительная дрянь попыталась потянуться ко мне тонким ши-

пастым побегом, но едва я посмотрел на неё – съёжилась в своём горшке под лучом света.

Ненавижу такие навязчивые гарниры!

Со стороны оранжерея сейчас должна была сверкать от моего импровизированного фонаря. Но доктора Ирбрана ведь нет в особняке. Верно? А слуги если и заметят что-то, то вряд ли кинутся проверять, положатся на магическо-го охранника. Хорошую домашнюю прислугу сейчас днём с огнём не найдёшь...

Оранжерея кончалась массивными металлическими дверями, ведущими в лабораторию. Видимо эксперименты доктора требовали самой свежей зелени. Для порядка я подёргал дверь. Увы, заперто. Затеяливая замочная скважина одним своим видом намекала, что пытаться вскрыть замок – глупая затея.

Что ж, за это мне и платят.

Я вытащил из памяти руну ключа. Но вовремя задумался и посмотрел на замок ещё раз.

Ну конечно. Тройной антимагический ключ, работа мастеров из Теруна. При попытке открыть его руной замок атакует в ответ, подаст сигнал тревоги и заблокируется на сутки. А фантазия у терунских кузнецов затейливая – в меня может ударить огонь, лёд, яд, из скважины может выползти тварь (и необязательно такого размера, чтобы она могла поместиться в замке), подо мной может взорваться пол или мои кости превратятся в жидкость...

Да, кстати, возможно и всё одновременно. Любой каприз за ваши деньги.

Поэтому я даже не стал пытаться вскрыть замок. Я вызвал руну клинка, зарядил её шестью часами своей жизни и вырезал петли у левой створки, после чего толкнул дверь ногой.

Та с грохотом упала внутрь лаборатории.

Вот этот звук, конечно, никак не могли не услышать слуги. И даже сделать вид, что не слышали, не могли. Так что оставалось одно – действовать быстро.

Внутри лаборатории было светло. Не от ламп – они все были потушены, и не от окон – их просто не имелось.

Зато оборудования у доктора было в достатке. И часть его светилась.

Например – огромный стеклянный змеевик, выходящий из перегонного куба. По змеевику сочилась густая оранжевая жидкость, в трубке – обычная, но в колбе, куда она капала, – светящаяся.

Светящихся колб и реторт вообще было изрядно. Против света я ничего не имею, но большинство из них почему-то ещё и побулькивало, издавая едкую вонь.

В центре лаборатории обнаружилось два операционных стола очень неприятного вида – судя по фиксаторам для рук и ног, доктору приходилось экспериментировать над очень сильными и очень недовольными существами. Причём, учитывая разнообразие и количество фиксаторов, – большая часть этих существ к людям имела слабое отношение.

А ещё светился здоровенный стеклянный цилиндр, заполненный прозрачной жидкостью. Я уже ожидал увидеть внутри какую-нибудь мерзость вроде расчленённого, но живого человеческого тела или хотя бы набор шевелящихся внутренностей. Но в прозрачной жидкости плавала длинная – метра полтора – роза, с огромным сочным бутонем ярко-красного цвета.

Я пожал плечами. Розы хороши для девочек, монстры хороши для воинов. А мне нужно совсем другое. То, за что мне заплатят.

Лабораторный журнал нашёлся рядом с операционными столами – толстый потрёпанный том с желтоватой бумагой, в замызганной обложке из свиной кожи. Увы, когда я открыл журнал, дата на первой странице меня не порадовала. Его вели с Нового года. Судя по количеству записей за первое число, доктор праздников особо не жаловал.

А мне заказали журнал двухлетней давности...

Сейф нашёлся у двери, даже не слишком замаскированный – стальной шкаф, небрежно выкрашенный белой краской. Может быть доктор предпочитал прятать ценности перед самым уходом из лаборатории.

Опять терунский замок! Я снова вызвал руну клинка, с сожалением влил в неё шесть часов – и срубил боковую стенку сейфа.

Снова грохот. Надо торопиться.

Внутри сейфа было пять полок. Три заполняли колбы

и амулеты, я едва подавил искушение взять несколько. Но незнакомый амулет – это слишком опасная вещь. Ещё одну полку занимали деньги – золотые и серебряные монеты, ассигнации, чеки и аккредитивы.

Опять же пришлось смирить жадность. У меня нет лицензии вора.

А самую верхнюю полку занимали лабораторные журналы. Я почти сразу нашёл нужный, сунул в широченный карман на куртке. Подумав, отправил туда и самый новый журнал – может быть, пригодится.

И увидел, что в глубине сейфа, за журналами, в углублении лежит ещё один амулет. Протянув руку, я достал его – серебристый диск на цепочке. Лицевая сторона была гладкая, за исключением стилизованной буквы «А», зато на обороте была выгравирована составная руна. Очень сложная и незнакомая руна. Но сам амулет казался очень знакомым. Серебристый диск, буква «А», и что-то про руну... Я не помнил точно, где и когда я видел амулет, или слышал про него, или читал в книге. Но что-то вспоминалось. Причём не мрачное и страшное, а хорошее, торжественное.

Я засунул амулет в карман. Он лежал так, что вскрывая я сейф нормальным образом – вообще бы его не заметил. Вряд ли это ловушка.

А потом я поднял взгляд и увидел сторожевую тварь!

Нет, моё заклинание продолжало действовать. Но уродец даже под десятикратным весом ухитрился доползти до две-

рей лаборатории и сейчас тужился перетащить своё тело через порог. Одну руку создания оплетала оборванная колючая лоза, судорожно пытающаяся проколоть чешую. На спине дымилась красная жижа – словно некий странный плод упал на него сверху и попытался прожечь насквозь.

– Ты упорный, – сказал я с невольным уважением. – Но извини, я закончил и ухожу...

И в этот момент уродец издал шипящий звук – гораздо более осмысленный, чем недавнее рычание.

В следующий миг стены лаборатории вспыхнули белой огненной сеткой. И та стала стремительно сжиматься, приближаясь ко мне!

Я не знал, что это такое. Подобных рун мы не изучали.

В одном я был уверен точно – касаться этой пылающей сетки я не хочу. Не потому, что умру. Более вероятно, что буду валяться на полу, крича от боли, пока не вернётся доктор Ирбран.

Я вытащил из памяти руну, которую не собирался использовать никогда. Влил в неё столько времени, сколько она захотела. И бросил себе под ноги.

Тварь разочарованно взывала, когда я исчез из лаборатории. Впрочем, возможно это взывл я, представляя все последствия.

Моросил дождь. Я стоял на площади Великой Любви, в той самой точке, которую давно наметил – на тот случай, ес-

ли использую руну, которую использовать не собирался.

Основное преимущество этой точки было в том, что там никого другого и быть не могло. Это была спина вздыбленной лошади без седока. Ненастоящей, конечно, части памятника – Тёмный Властелин стоял на гранитном постаменте, держа лошадь под уздцы. Властелин был высечен из чёрного мрамора, а вот его лошадь, по непонятной прихоти скульптора, отлита из чугуна.

Чугун под дождём куда более скользкий, чем мрамор.

Я поскользнулся и упал, оседлав чугунную лошадку. С одной стороны, повезло, не навернулся с двухметровой высоты на постамент и ещё дальше, на мостовую. С другой... с другой – будь я девушкой, было бы не так больно.

А ещё по площади, с которой ночь и дождь разогнали всех прохожих, шёл гвардейский патруль!

Не знаю уж, существует ли в законах наказание за то, что я сел верхом на чугунную лошадь нашего доброго правителя. Вполне может быть! Например, это можно подвести под «пытался незаконно занять место Тёмного Властелина».

Поэтому я, постаравшись забыть об отбитых частях тела, соскользнул с лошади на постамент и замер, схватившись за мраморную руку. По лицу статуи стекала вода – казалось, что Властелин плачет. Я стоял, глядя ему в лицо.

– Эй, ты! – гвардейцы наконец-то подняли головы и увидели меня.

Я медленно опустил взгляд. И придал лицу всё возможное

смущение.

– Простите... да живёт вечно незаменимый и вездесущий!

Спрыгнув на мостовую, я замер перед гвардейцами, не делая никаких попыток убежать. Трое гвардейцев в симпатичных голубых мундирах растерянно смотрели на меня. Наконец старший опомнился.

– Живёт вечно. Ты что там делал, парень?

Ох, как же я порадовался слову «парень»!

Не мужчина, не старикан. Парень!

– Простите, наверное, это дерзость... – Я опустил голову. – Я... мне захотелось дотронуться до Властелина. Пожать ему руку.

Гвардейцы ошалело смотрели на меня.

– Ты совсем ку-ку? – спросил старший, расслабляясь. – Это статуя, дружок!

– Понимаю, – ответил я, насупившись. – А самому Властелину руку пожать у меня шансов нет.

Гвардейцы переглянулись. Посмотрели на статую. Следов вандализма не наблюдалось.

– Задержим? – спросил старшего один.

Старший задумчиво смотрел на меня. Я понимал, о чём он думает. Вернуться в отделение... посидеть в теплом и сухом помещении, попивая горячий чай, пока мне оформляют привод за хулиганство. Потом старший сказал:

– Задержим и скажем, что арестовали юнца за то, что он пожал руку статуе повелителя?

Инициативный гвардеец пристыженно отвёл глаза.

– Иди-ка ты отсюда, – сказал старший. – Ночевать есть где?

– Есть, – закивал я.

– Тут столица, а не деревня, – продолжил старший. – И забираться на постаменты, даже с самыми искренними чувствами, запрещено. На первый раз – предупреждение!

– Простите... – Я уж совсем понурился, и гвардеец улыбнулся.

– Давай, давай... Вали отсюда. И берись за ум.

Кивая и смущённо улыбаясь, я пошёл прочь. Меня сейчас занимали не гвардейцы и даже не ограбленный доктор. Мне нужно было зеркало.

И оно нашлось совсем рядом – в витрине ювелирного магазина. Правда, за частой решёткой, но зато рядом с фонарём.

Я уставился на своё отражение.

На меня смотрел высокий, тощий, темноволосый юноша в потёртой куртке. Вполне молодой человек. Лет примерно девятнадцати. Над верхней губой чуть топорщатся усики – мерзкие и жалкие, такие надо безжалостно сбривать, а не пытаться отращивать.

Беда была в том, что ещё этим вечером я выглядел на восемнадцать. Руна переноса выпила из меня год жизни.

Всё имеет свою цену, особенно колдовство. Но магия признаёт лишь одну плату – твою собственную жизнь. Каждое

заклинание отнимает у тебя немного от раз и навсегда отмеренного срока.

Нет, девятнадцать – это совсем неплохо. Знавал я магов, которые в моём возрасте уже выглядели солидными мужчинами, а то и стариками.

Но мне-то всего пятнадцать!

Руна седьмая, Гебо

Мне действительно было где ночевать. Клуб магов есть в любом крупном городе, а уж в столице их шесть, по числу Героев. Месяц назад, когда я приехал в столицу, я выбрал клуб Танри, названный в честь Четвёртого Героя. Спросите, почему? Да потому, что большинство новичков выбирают либо клуб Уинварда – самого юного из магов, либо клуб Сигну – самого старого. Девушки выбирают один из двух, названных в честь женщин-магов – Фреды или Мирарек. Те, кто склонен к однополой любви, и мужчины, и женщины, идут в клуб Риджара, известного пылкостью и неразборчивостью своих влечений.

А Танри был самым обычным и ничем не примечательным человеком. И магом стал обычным – остался в тени знаменитых товарищей, честно сражался и сжёг свою жизнь во славу повелителя. В его клубе спокойнее, просторнее и тише. А ещё тут собираются те маги, кто поумнее и сделали те же выводы, что и я.

Когда я подошёл к трёхэтажному каменному зданию, уже рассвело. Я приложил к дверям руку и пожертвовал вырезанной на двери руне защиты секунду своей жизни.

Это очень простой и очень удобный способ обеспечить магам уединение. Войти сможет только маг. Обычному человеку придётся звонить и ждать привратника. К тому же защита клуба постоянно растёт.

Толкнув створку двери (та удовлетворилась моим скромным подношением и открыла замок), я вошёл в вестибюль. Согласно давней традиции, зародившейся в те времена, когда магами были только мужчины, слева от дверей в стене были закреплены писсуары – чтобы нетерпеливый маг не тратил время на дорогу в туалет. Ещё слева была стойка для зонтиков, обычно пустовавшая – дожди идут часто, а маги забывчивы и не всегда возвращают зонты в клуб.

Справа была гардеробная и нормальные туалеты, для мужчин и женщин. Днём в гардеробной дежурит прислуга, но сейчас там никого не было.

Ну а прямо передо мной была лестница на верхние этажи, к комнатам внаём, и проход в сам клуб.

Что такое клуб магов – понятно, наверное, каждому. Отчасти ресторан, отчасти курительная, отчасти бильярдный и карточный залы, отчасти библиотека.

В первую очередь, конечно, бросаются в глаза книги. Шкафы идут вдоль всех стен, от пола до потолка, и крепкие открытые полки забиты толстыми томами, тонкими брошю-

рами, смотанными свитками, коробками с карточками, рукописями, разрозненными листками записей, лабораторными журналами... Всё это богатство впечатляет, особенно на первый взгляд. На второй – становится ясно, что большинство книг и записей общеизвестны и никаких тайн в себе не содержат. На третий – закрадывается обоснованное подозрение, что бо́льшая часть рукописных текстов и лабораторных журналов – всего лишь рефераты и курсовые студентов-магов. Ну а на четвёртый, если уж читатель напряжётся и отыщет стремянку, выяснится, что соблазнительные толстые тома на верхних полках – бутафория, обитые кожей деревянные бруски.

По-настоящему ценные книги в клубе, конечно, есть. Но они не стоят на виду, рядом с пьющими, чавкающими и курящими магами.

Час был такой ранний, что в клубе почти никого не было. Два пожилых мага катали шары на бильярде – неумело, но азартно. Одного из них, седобородого и лысого, я знал – ему было двадцать с небольшим лет, он выпускался как раз в тот год, когда я поступил в Академию, четыре года назад. Тогда он выглядел молодым мужчиной, лет двадцати–двадцати двух. Сколько ему было на самом деле, я не знал. Но за прошедшие четыре года колдовство сожгло не меньше сорока лет его жизни. Десять к одному – нехороший расклад. Либо парень слишком жаден, либо слишком азартен.

Либо – попал в передрагу, вроде как я только что, и был

вынужден сжечь слишком много жизни.

Я выбрал столик у одного из немногочисленных окон, между шкафом с многотомной энциклопедией «Основы рун» (с ежегодными дополнениями, конечно) и шкафом полным пыльных и скучных журналов «Методология минимального воздействия». Бильярдисты на меня внимания не обращали, я на них – тоже.

Подошёл заспанный официант, молча кивнул, я так же молча ткнул пальцем в меню, выбрав традиционный столичный завтрак: два жареных яйца, грибное суфле, жареная картошка и большая кружка кофе. Горячие булочки утром подавали бесплатно, совсем уж старые и обнищавшие маги порой неделями питались только ими.

В ожидании яичницы я попытался успокоиться. Заказ был выполнен. Никаких законов и установлений я не нарушил. Единственная проблема – нерационально потраченный год жизни.

Стать магом, в общем-то, могут многие. Первое – это умение разбираться в рунах. Говорят, что для этого требуется знание геометрии и искусства начертания, способности к языкам и хорошая зрительная память. Но недостаток любого из этих качеств можно компенсировать зубрёжкой и терпением. Футарк и десяток-другой составных рун, вроде электричества, способен запомнить каждый.

Второе – умение наполнять руны. Сами по себе руны мало чем отличаются от гражданской письменности, хоть ты их

мысленно представь, хоть на бумаге напиши или на золоте выгравировуй. Но если посмотреть на руну или чётко представить её, а потом *потянуться* к ней и наполнить собственной жизнью, она оживает. Руну можно просто активировать, можно прикрепить на себя, как я поступил с руной света, или впечатать в предмет – как делают кузнецы-рунознатцы из Теруна. Некоторые руны требуют совсем немного времени. Секунды, минуты, максимум часы. Ну какая разница: пойдёшь ты за фонарём, потеряв на этом полминуты, или зажжёшь магический свет, потратив то же самое время?

Но тут нужно уметь дозировать время. Неопытный маг способен бухнуть в магический свет пару месяцев – и ходить как идиот со звездой во лбу всю жизнь. Или потратить ещё пару месяцев на отмену заклинания.

А ещё полным-полно составных рун сложных, тяжёлых, в любом случае требующих огромного вливания времени. Как правило, это те руны, которые слишком сильно и явно нарушают законы мироздания.

Как перенос в пространстве.

И хоть ты сто раз заречёшься использовать сложные руны, но на всякий случай их выучишь. Потому что иногда выбор будет прост – умереть или потратить год-другой жизни. Что выберешь? Правильно, год.

Жадность, гордыня и любовь – вот три главных врага любого мага. Захочется стать богатым, захочется добиться признания, захочется любви – и маг решается использовать свою

силу по полной. И умирает дряхлым стариком, не дожив до двадцати. В Академию, где я учился, берут в основном детей, а выпускают в свет подростков. Но, как правило, эти подростки выглядят куда старше своих лет. Вот мне было пятнадцать, выглядел я на восемнадцать. Сейчас уже на девятнадцать. Что дальше?

Многие ведь даже не доживают до выпуска. За год учёбы у нас случалось пять-шесть несчастных случаев. Кто-то не рассчитал силу и вкачал в простенькую руну всю свою жизнь. Кто-то обозлился на учителя, на товарища – и затеял магическую дуэль, в которой сам себя сжёг. Кто-то замахнулся на совсем уж трудную и тяжёлую руну – и угробил своё время впустую, надорвался.

Так что классический облик мага, к которому все привыкли, – седой, неспешный, бородатый, вовсе не показатель истинного возраста. Все мы юнцы.

Я это понял очень быстро и своё время берёг. С запоминанием рун у меня дела были неплохи, а вот с дозированием времени – по-настоящему великолепны. Я никогда не тратил на обучение больше, чем следовало. Не ленился сходить за свечкой, закрыть дверь руками, а не руной, закутаться в тощее одеяло, а не нагреть комнату зимой. Не ввязывался в пустые поединки и соревнования. Не стремился поразить наставника, раньше времени овладев сложной руной.

Помню, когда после трёх месяцев занятий у нас отчислили треть набора – мальчишек и девчонок, которым никак не

давалось запоминание рун или дозирование времени, пришёл день оплаты обучения. По коридорам Академии ещё шатались зарёванные дети, висли на наставниках, умоляли их оставить, пытались нарисовать по памяти сложные руны (двое или трое даже убедили дать им второй шанс), а нас, справившихся, повели принимать присягу ученика.

И платить за обучение, конечно. Магов всегда просят заплатить вперёд.

Дозировать время мы уже кое-как умели. Но многие не считали это важным – в десять лет и жизнь кажется бесконечной, и перспектива повзрослеть не пугает. Плата за весь курс составляла один год, но какой-то мальчишка сразу сказал, что заплатит тремя годами и туманно пояснил: «В тринадцать лет у тебя уже всё по-взрослому!» Я же уточнил у наставника, мастера Креберта, достаточно ли будет одного года, не обидится ли на меня Академия, – и влил в аккумулирующую руну ровно требуемое время. Ну не совсем ровно; потом мне сказали, что я отдал один год и два дня. Так вот, наставник после этого посмотрел на меня с интересом и одобрительно похлопал по плечу. Ему было лет тридцать, примерно так же он и выглядел – один из немногих магов, умевших ценить время.

И до самого выпуска я расходовал время аккуратно и бережно. Рекорда не поставил, но за всё обучение потратил всего лишь полтора года. За месяц после выпуска – ещё пять месяцев. А этой ночью – целый год.

Обидно – слов нет.

Внешне я не особо изменился, разве что усы эти дурацкие стали пробиваться. Ну, может быть, чуть-чуть выше стал и плечи немного шире. В штаны я заглядывать не стал, там вряд ли что-то за год могло измениться. По всему выходило, что сам виноват, но могло быть и хуже.

– Грисар!

Я обернулся – в зал вошла Мира. Она помахала мне рукой, я махнул в ответ. Мира немного старше меня, повыше ростом и гораздо красивее. Яркая, синеглазая, белокожая, светлые волосы заплетены в толстую косу по северным обычаям. В общем – влюбляться без шансов. Я и не пытался. Но зато мы были друзьями.

– Мне того же, что и ему! – сообщила Мира официанту, только-только высунувшемуся с кухни с подносом. Официант кивнул и вернулся обратно. Завтрак откладывался.

– Привет, Мира, – сказал я.

– Привет. – Она уселась напротив меня. Помахала рукой бородатому магу у бильярда – тот её проигнорировал.

Ну ещё бы. Они ровесники, учились вместе. Но Мира на вид двадцать с небольшим, она всегда очень аккуратна со временем. Девочки вообще бережливее, если нужна магия небольшая и точная, то лучше обращаться к ним. Впрочем, если девушка-маг разозлится или расчувствуется, то тут уж держись – ничего не пожалеет.

– Как дела, малыш Грис? – Мира усмехнулась, глядя на

меня. — Я видела, ты вчера уходил поздно вечером...

На «малыша» я не обиделся. Маги обижаются на слово «старик».

— Нормально. Работал.

Мира внимательно изучала моё лицо, особенно усы. Потом спросила:

— Сколько потратил?

Врать смысла не было. Мира — славная девчонка, а когда я поселился в клубе, взяла надо мной шефство. Объясняла, что и как, чем жизнь в столице отличается от провинциальной, какие законы надо соблюдать строго, слава Тёмному Властелину, а какие необязательно — опять же ему слава.

Честное слово, если бы не понимал, что это без шансов, я бы в неё влюбился.

— Год, — сказал я.

Мира болезненно поморщилась:

— За один раз?

— Да.

Ей, конечно, хотелось спросить, какая руна потребовала столько времени. Но она смолчала. Такие вещи спрашивать не принято.

— Бывает, Грисар. Порой дерьмо случается. Но хоть не зря?

— Ты же видишь — живой и жду завтрак, — ответил я.

А тут подошёл и официант, и мы на время замолчали, занявшись едой. Готовят в клубе вкусно, даже обычную яич-

ницу пожарят как надо – яйца не растеклись, но и не превратились в подошву. Грибное суфле ещё лучше: там настоящие белые грибы, а не шампиньоны. Мы ели молча и с аппетитом.

Где-то у дверей звякнул звонок – кто-то пришёл в клуб и пытался вызвать привратника.

– Ты при деньгах? – спросила Мира, перейдя к кофе.

– Более-менее.

– Заплатишь за мой завтрак?

Я удивился. Богатых магов тут у нас нет. Те, кто ухитрился разбогатеть, в клубных комнатухах не живут. У них свои дома в престижных районах столицы, свои места для общения и свой круг знакомых.

Но и совсем уж нищих среди магов не водится.

– Всё семье отправила, – пояснила Мира. – Не рассчитала. Думала, выполню заказ раньше, а никак не справлюсь. Нет, я могу слить время...

– Перестань, – опомнился я. – Будто ты меня не угощала! Время сливать – последнее дело.

В клубе была аккумулирующая руна, наподобие той, что стояла в Академии. Любой мог пожертвовать немного времени и получить немного денег. Другое дело, что это совсем не так выгодно, как отработать заказ. Скромный завтрак обошёлся бы Мире в несколько часов времени.

– Спасибо, – ответила Мира. Без всякой лишней патетики. Она не чувствовала себя обязанной, а я не сделал ничего

особенного. Точно так же и она меня угостит, если потребуется, и денег займёт, и поможет.

– Какой у тебя заказ? – спросил я.

Мира отмахнулась.

– А как семья? – зашёл я с другого края.

Мира была родом из окраинных северных провинций, которые в войну выступили против Тёмного Властелина. Сражались северяне долго и упорно, это и сам Властелин неоднократно говорил, но, конечно же, проиграли. Родители Мира были из мелкого дворянства, к счастью, не замеченного в очень уж усердном противостоянии нашему повелителю. Просто люди честно делали свою работу и подчинялись своим сюзеренам. Так что они остались живы, и даже не попали на перевоспитание – у них лишь конфисковали имущество и позволили трудом искупить свою вину. Однако с этим трудом получалось не очень – тяжело осваивать новую профессию, если ты всю жизнь был бургомистром в маленьком городке. Содержала их по большей части Мира – и родителей, и старшего брата с сестрой.

– Как обычно, – Мира вздохнула. – Папа сидит дома и строит грандиозные планы, мама учит детей музыке. Брат вроде как в гвардейцах прижился, копит на офицерский патент. Отдельно живёт. И то хлеб!

Я кивнул. Мои-то родители самые обычные мещане с юга Тёмной Империи. Отец держит мелкую лавку, мать ему помогает. Живых детей кроме меня в семье шестеро, это у от-

да всегда хорошо получалось, лучше, чем торговля. Так что моё призвание мага они восприняли с радостью, раз в месяц присылают письмо, а иногда, с оказией, шлют мелкие подарки. Ну и денег не просят. Пока, во всяком случае.

– Может всё-таки помочь? – снова спросил я.

Мира колебалась, это я видел. И тут в зал вошёл тот самый человек, которому я был обязан потерянным годом жизни. Нет, не доктор Ирбран, чтоб его сожрала одна из его тварей, лучше всего мелкая чешуйчатая. А тот, кто заказал мне кражу лабораторного журнала.

Честно говоря, я предполагал, что это такой же экспериментатор, как и Ирбран, только менее удачливый и надеющийся поживиться плодами экспериментов коллеги. Вид у него был такой, докторский и злодейский одновременно – тощий и нескладный, высоченный, но при этом сутулый, с угловатым лицом, на котором круглые очки в дорогой золотой оправе смотрелись неуместно. В чёрном костюме, сшитом на заказ, но всё равно сидящем на нём нелепо. Увидев меня, заказчик даже не улыбнулся и не кивнул – просто направился к столику с грацией насекомого, которому оторвали парочку лап.

– Уйти? – спросила Мира негромко.

– Не надо, это недолго, – ответил я.

Заказчик подошёл и лишь теперь кивнул, словно, несмотря на свои очки, не был до конца уверен, ко мне ли он идёт. Придвинул стул, сел, кинул на Миру равнодушный взгляд.

Спросил:

– Всё ли у вас в порядке, любезный юноша?

В вопросе не было ни подлинного интереса, ни волнения. Как будто заказчик знал, что такой вопрос положено задать, и выполнял скучный непонятный ритуал.

– Спасибо, господин Сект, – ответил я. – Отчасти, но не совсем.

Имя, возможно, было вымышленным, но мне-то какое дело? Патент на кражу, который он мне вручил вчера, настоящий – я же не идиот, воровать без лицензии. Всё остальное лишь предмет обсуждения.

– Вам удалось добыть искомое?

– Искомое при мне, – ответил я столь же напыщенно. – И даже более того.

– Хорошо, – господин Сект достал из кармана увесистый кошель с серебряными монетами. Понятно, что чек или ассигнация удобнее, но на монетах нет номеров, их не отследить, так что в наших кругах они столь же популярны, как и полсотни лет назад.

– Возникли проблемы, – пояснил я. – Мне удалось достать журнал, но в лаборатории была ловушка.

Я покосился на Миру. Может зря не попросил её уйти? А, ладно...

– Мне пришлось использовать руну переноса, – продолжил я.

Мира понимающе кивнула.

– Но ведь всё в порядке? – уточнил Сект.

– Да. – Я достал из кармана оба журнала. – Но я потерял год жизни. Это стоит совсем других денег.

Господин Сект задумался, не отрывая взгляда от журналов.

– Понимаю. Это прискорбно. Но условия нашего договора не включали оплату любых рун, которые вы решите применить. Я объяснил задание, вы назвали цену, я её принял.

– Всё так, – согласился я. – Однако там была магически преображённая сторожевая тварь, охранные заклинания...

– В задании было сказано, – прервал меня Сект, – что в особняке возможно наличие магической охраны того или иного рода. Этот факт не является форс-мажором.

Я кивнул. Спорить было бесполезно.

– Если вы не согласны с итоговой суммой, то мы можем передать наш договор на рассмотрение суда, – любезно предложил заказчик.

Всё. Это был финал. Суд мою сторону не примет, скорее оштрафует за попытку обмана заказчика и вымогательство дополнительной оплаты.

– Хорошо, – сказал я. – Согласен. Но смотрите: я добыл два журнала, тот, что вы заказывали, и текущий...

– Меня не интересуют современные опыты этого шарлатана, – недовольно сказал Сект. – Он добился успеха один лишь раз, два года назад. Я могу взять этот журнал в придачу, но не заплачу за него ни гроша.

Мира сочувственно смотрела на меня.

Я молча протянул Секту журнал. Один, тот самый, что он заказывал. Сект взял журнал и отдал мне кошелёк. Сказал, вставая:

– С вами было приятно работать, молодой маг. Надеюсь, мы расстались без предубеждений и взаимно открыты к возможному будущему сотрудничеству.

Отвечать я не стал, да он и не ждал ответа. Двинулся к выходу. Небось, спешил изучить лабораторный журнал конкурента.

– Вот же сволочь, – сказала Мира, когда Сект вышел.

– Я сам виноват, – ответил я. – Заказ был хороший, но я никак не ожидал такой защиты в особняке. Изменённая тварь – да сколько их осталось-то в мире? Думал, он преувеличивает.

– Они никогда не преувеличивают, – с презрением сказала Мира. – Хоть бы немного добавил!

– Может, у него это последние деньги, – попытался я защитить заказчика, чтобы не чувствовать себя совсем уж болваном.

– Да ну – правда, что ли?! Ты его костюм видел? Пошит по последней моде, мастерская на Золотом ряду. У него рубашка стоит больше, чем он тебе заплатил!

Я вдруг почувствовал, как на глаза наворачивается предательская слеза. Молодой маг! Приятно работать! Будущее сотрудничество! Как же меня развели...

– Эй, Грис, всё в порядке, – быстро сказала Мира, придвигаясь ко мне. Бросила взгляд на бильярдистов, борющихся за последний шар, и быстрым движением салфетки промокнула мне глаза. – Успокойся.

– Извини, – буркнул я. – Как маленький...

Как ни странно, но мне была приятна её забота.

– Всё нормально. Все мы младше, чем есть. После такой траты времени нервы шалят, по себе знаю.

– Ты-то откуда знаешь?

Мира вздохнула.

– Была одна ситуация... Времени требовалось неделю-две, а я запаниковала и влила полгода.

– Понятно, – сказал я.

– Все мы иногда ошибаемся, – вздохнула Мира. – Слушай, нечего тебе тут киснуть. Знаю я, чем это заканчивается – пьянством и куражом.

– Я не пью.

– Будешь пить, все маги пьют. У тебя уже тело юноши. – Она вдруг смутилась. – В этом возрасте все с цепи срывается... Пойдёшь со мной? Поможешь с заказом? Напополам не поделюсь, но двадцать процентов – твои.

– Что за заказ? – спросил я.

– Да ерунда. Надо замочить одного типа.

Руна двадцать вторая, Ингуз

«Люди по природе склонны делать друг другу гадости, и бороться с этим бесполезно», – так давным-давно сказал Тёмный Властелин, когда объяснял народу новые правила жизни.

Какие суровые законы не принимай, всё равно кто-то будет воровать, а кто-то захочет кого-то убить.

Поэтому у нас ничего не запрещено. Только это дорого.

Хочет господин Сект ограбить доктора Ирбрана? Получи лицензию. Укажи, что собираешься украсть, и уплати цену в казну. А потом иди, воруй. Или найми кого-нибудь.

Хочешь кого-то убить?

Аналогично.

Но для убийств есть гильдия убийц, среди которых, кстати, есть и маги. Нанимать для убийства обычного мага – неслыханно!

– Мира, ты серьёзно? – спросил я.

Мира улыбнулась.

– А, заинтересовался? Нет, убивать никого не надо. Надо замочить.

Я её сразу не понял. Есть очень много слов, которыми люди заменяют неприятное слово «убить». Пришить, пристукнуть, упокоить, порешить, уложить... Ну и «замочить», конечно.

Мира вздохнула.

– Слушай. Есть такой торговец сахарным песком, Орми Снапс. То, что у тебя в кружке кофе сладкий, – его заслуга. У него огромный склад в порту. Мне заказали этот склад замочить. Понял?

– Тьфу на тебя, – сказал я. – Так склад, а не самого Снапса?

– Если он там окажется, то пусть тоже намокнет, – кровожадно сказала Мира. – Платят две тысячи.

– Неплохо, – согласился я. – А зачем?

– Откуда мне знать? Может, кому-то сладкое нельзя есть. А может, кто-то считает, что цены на сахар вырастут и можно будет Снапса разорить, а самому подняться.

– Вот это вернее, – согласился я. – Только цены и так выросли; видно, этот Снапс придерживает сахар, хочет проверить какую-то махинацию. В чём проблема?

– Так ты в деле?

Я посомневался ещё пару мгновений и кивнул:

– Да.

– Тогда пошли, – сказала Мира. – Покажу тебе, в чём про-

блема.

– Только переоденусь и деньги отдам на хранение, – сказал я.

– Тоже переоденусь, – оживилась Мира.

Маленькое отделение банка у нас в клубе тоже есть. И поверьте, это бывает полезнее, чем настоящий душ с тёплой водой, а ведь приятнее душа с тёплой водой люди ещё ничего не придумали.

В полдень мы с Мирой сидели в портовом кафе. Не в дешёвом кабаке, где оттягиваются матросы, и не в обычной пивной, где работники порта выпивают свою кружку эля и сьедают кусок мясного пирога в обеденный перерыв, а в настоящем дорогом кафе для людей благородных, обеспеченных и праздных. Кафе стояло возле пассажирских пирсов, на возвышении, рядом с управлением порта и храмом Всех Богов. Отсюда был замечательный вид на море, на порт, на корабли и, если повернуться, на город, раскинувшийся на холмах. Замок Властелина сиял на вершине горы белым бриллиантом. Дождь к утру закончился, и небо было безоблачным и чистым, как в первые дни лета. Даже жарко стало.

Мы с Мирой ели мороженое и пили холодный лимонад. Наверное, только этим лимонадом мы и отличались от множества парочек за столиками. Я, конечно, вино пробовал, и не раз, но до сих пор не понял, что в нём хорошего. А так – мы были хорошо одеты, молоды. Мира очень красивая, но и

я тоже не урод. Мира оделась в длинное платье из сиреневого шёлка, взяла зонтик от солнца и сумочку, словно настоящая дама из высшего общества. На мне был бежевый костюм и небрежно повязанный галстук – как на молодом хлыще из верхних районов.

Сахарный склад был перед нами как на ладони. Стоял он среди прочих помещений, где хранили привезённые или ждущие отправки товары. Высокое кирпичное здание с окнами на самом верху, обнесённое крепким забором и с охранниками, прохаживающимися по двору.

– Я вначале думала, всё будет просто, – объясняла Мира. – Вызову волну, есть три подходящие руны...

Я знал четыре, но спорить не стал.

– Но тут простая волна не годится, – продолжала Мира.

Это я тоже понимал. Во-первых, склад был далеко от воды. Во-вторых, на возвышении. В-третьих, вокруг стояли другие склады, а если повредить чужой товар – то по нашему следу кинутся регуляторы.

– И охраны что-то много, – заметил я. – Может, сладкому королю сообщили, что на его товар выписали лицензию?

– Может быть, – уныло призналась Мира.

Конечно, предупреждать жертву было нельзя. Но если у тебя есть друзья в полиции, они вполне могут намекнуть. Всем хочется сладкой жизни.

– Если мы как-нибудь вдвоём вызовем одну-единственную волну? – спросила Мира. – Чтобы она все склады пере-

махнула, а ударила по одному?

– И залила крепкий склад? И никого не утопила?

Мира вздохнула.

– Откажись, – посоветовал я. – Найдёшь другой заказ.

– Я взяла задаток, – призналась Мира.

Это было серьёзно. Если задаток взят, то отказываться нельзя. И солидный штраф, и пятно на репутации.

– Сколько?

– Половину. Грис, я тебе всё оставшееся отдам. Только помоги!

– Мира, оно того не стоит, – сказал я. – Хочешь займу денег?

Мира опустила глаза.

– Давно ты вокруг склада вертишься?

– Четыре дня уже. Ничего не придумала. Была бы тут река рядом, но реки нет...

Я вздохнул и ещё раз посмотрел на здание.

– Ливень бы сработал, – продолжала Мира. – Но крыша крепкая, её придётся рушить и аккуратно.

Магия – штука очень мощная, вот только цена высока. Поэтому всегда надо думать, какое именно заклинание тебе нужно применить. Иногда одного и того же можно достичь совсем разными способами.

Мира северянка. У них там воды полно. Холодные моря, частые дожди, зимой – снег. Они воду не ценят, вода у них всегда есть. А я всё-таки с юга.

– Значит, придётся... – Мира вздохнула. – Смерч. Крышу сдерёт и выбросит в море. И потом ливень.

Я прикинул в уме, сколько она собирается потратить, и покрутил пальцем у виска.

– Ты совсем ку-ку? Боевую магию на дурацкий склад сахара? Полтора года потеряешь! За жалкую пару тысяч!

– А что делать?

Лицо у неё было такое печальное, что я забыл про свои горести и невольно усмехнулся. Мира обиженно отвернулась.

– Карандаш есть? – спросил я и взял со стола салфетку.

– Да. – Мира оживилась.

– Смотри. – Я расправил салфетку и принялся рисовать руну.

– Лагуз, – сказала Мира. – Озеро. Ну и что?

Я нарисовал вокруг руны ещё одну.

– Ингуз...

– Не знаешь это сочетание? – спросил я.

Мира морщилась и честно пыталась вспомнить.

– Источник. Рождение озера. Призыв воды из земли.

– Грис, я дура! – воскликнула Мира. И, порывисто потянувшись через стол, поцеловала меня сладкими от мороженого губами.

– Ты чего! – смутился я. – Сейчас лимонад опрокинешь!

Мира засмеялась, выпрямилась, лукаво глядя на меня:

– Грис, ну ты всё-таки... Прости-прости-прости! Грис, умница, ты меня спас! Мы же учили это сочетание!

– Просто ты никогда не думала, что придётся добывать воду в пустыни. – Я сам смешался и, забрав её салфетку, вытер щёку и губы. – Здесь вода близко, море же рядом. И почва мягкая. Вливай в источник неделю. Или полторы, для верности. Потом бросай в центр здания.

– Поняла, – счастливо улыбаясь, сказала Мира.

– Может, потренируешься?

– Да ничего, справлюсь. Я две недели волью.

Я пожал плечами. Можно и две, конечно. Хотя я бы попытался обойтись неделей.

– Прямо сейчас и сделаю, – твёрдо сказала Мира, ещё раз посмотрев на салфетку. – Спасибо, Грис. Тысяча вся твоя.

– Полтысячи, – поправил я. – Но вот магия – вся *твоя*.

– Хорошо!

– И подожди часик, – сказал я. – Съешь ещё мороженого, здесь ореховое вкусное. А я пойду.

Мира недоумённо смотрела на меня.

– Загляну в лавку рядом с клубом. Куплю мешок сахара.

Мира кивнула. Поняла. Попросила:

– Мне тоже, ладно?

– Я сегодня добрый, – согласился я.

Самое верное средство от грусти – сделать что-то хорошее. Конечно, с точки зрения сахароторговца Орми Снапса, я ничего хорошего не совершил, а напротив – учинил страшную мерзость, разбой, разорение и свинство. Но как

по мне – задира́ть цены тоже нехорошо. По миру Снапс не пойдёт. А уж какая радость будет портовой бедноте, когда по мостовым потекут сахарные реки! Небось, все кастрюли и банки заполнятся сладким сиропом, а дети будут лежать вдоль канав и пить прямо из них.

Так что настроение у меня здорово улучшилось.

В лавке недалеко от клуба я купил два полотняных мешочка сахара – каждый на двенадцать фунтов. Продавец посмотрел на меня задумчиво – наверное, после ухода поменяет ценник.

Сахар я оттащил в свою каморку на четвёртый этаж. Спрятал в шкаф. Вполне хватит пережить предстоящие скачки цен.

Вообще-то, называя свою комнату каморкой, я не совсем прав. Там есть нормальная длинная кровать, есть шкаф для одежды и вещей, есть два стула и столик, есть полка для книг. И окно есть, довольно большое и с чистыми стёклами. Туалеты у нас прямо на этаже, с фарфоровыми унитазами и рукомойниками. Вот душевые комнаты – внизу, в подвале, но это не беда, людям же не надо мыться каждый день.

В коридорах уже былолюдно. Маги любят поспать, и для многих завтрак начинался в обед. Прошли, болтая о девчонках, два рослых мага, на вид лет сорока. Один бессовестно врал о своих ночных похождениях, хоть сразу было видно, что компанию ночью ему составляли только подушка с одеялом. Второй делал вид, что верит, а может, и впрямь верил.

На самом деле им обоим лет по двадцать — я видел, как один из них на простой руне истратил вместо пяти минут полсуток времени. Таких полно, на самом-то деле.

Прошла к лестнице моя ровесница (на вид), с которой мы как-то вместе делали одну несложную работу. Вот ей и в самом деле лет пятнадцать, хотя точно я не знаю, девчонка училась в другом заведении, Школе магии. Но она очень аккуратно тратила время, и я её уважал. Мы поздоровались. Судя по халату и полотенцу, волшебница спешила в душ. Странно, вроде чистенькая.

Я спустился в клуб. Есть пока не хотелось, мороженое и лимонад отбили аппетит. Так что я побродил вдоль полок, вытащил потрёпанный том Рунного Определителя и сел в тихом уголке. Ненужный заказчику лабораторный журнал я оставил в комнате, а вот амулет прихватил.

Сейчас я положил его перед собой на стол, зажёл лампу — современные, на земляном масле, давали такой яркий свет, что тратить магию было бы глупо.

Итак, что мы имеем?

Серебряная цепочка. Серебряный диск. Это хороший металл для запечатления руны, хотя и бронза сработала бы не хуже.

На диске — буква «А». Не руническая, обычный гражданский алфавит.

На обороте очень странная и незнакомая руна.

Странно, амулет мне знаком, а вот руна — нет.

Значит, я видел амулет, но только с одной стороны? Такую интересную руну я бы точно запомнил!

Я честно пытался вспомнить. И занятия в Академии, и все прочитанные книги, и рассказы про амулеты – всё вытащил из памяти.

Но почему-то ничего не вспоминалось.

Ладно, займёмся руной...

Подошёл официант – тот же, что работал утром. Я прикрыл амулет ладонью при его приближении и попросил зелёного чая «Дыханье дракона». А едва официант отошёл, приступил к изучению руны.

Основных рун двадцать четыре. Они сгруппированы в три эттира и составляют футарк, рунный алфавит. При желании рунами можно писать слова, как обычными буквами, но это глупо. Ведь каждая руна – это то или иное магическое воздействие.

Возьмём, к примеру, третью руну первого эттира – Турс. Одна из основных боевых и силовых рун, иногда её называют шипом или колючкой; говорят, что название восходит к забытому древнему богу. Начертить наяву или мысленно Турс, влить в него время – и ты можешь нанести удар. В зависимости от очертаний руны удар может быть пробивным, будто копьё, или увесистым, словно молот.

Но это только первая ступень. Вся магия к двадцати четырём рунам, конечно, не сводится. Даже с изменениями в начертаниях этого не хватит для всего многообразия маги-

ческих действий.

Поэтому руны сочетают друг с другом, комбинируют. К примеру, чтобы срезать дверь с петель, я использовал сочетание Турса и Райдо, шип и путь. При правильном взаимодействии получается новая руна – Клинок. Руна электричества хоть и проста, но тоже сложена из двух рун.

Из двадцати четырёх простых рун при сложении и умножении получается немыслимое количество комбинаций. В учебниках их называют составными рунами, или рунными фразами. Не все из них реально работают, а некоторые работают, но так, что пользы никакой. Но всё же сочетание из двух рун уже рождает настоящую сложную магию.

Бывают руны, составленные из трёх рун футарка. Бывают и из четырёх – их очень сложно удержать в голове, ещё труднее насытить, но порой нужны и они.

Самая сложная руна, которую я знал, была составлена преподавателями Академии из шести основных. Считается, что сочетание шести рун – это предел, доступный человеку. Для активации эта руна требовала два часа времени, а последствием её применения были плывущие по воздуху мыльные пузыри.

Но очень красивые пузыри, честно признаю!

Конечно, я не знал всех сочетаний рун. Никто на свете их не знал. Но существуют базовые правила. Если человек наливает в кастрюлю воду и ставит на огонь – он получает кипяток. Если вода кипит долго, она вся превращается в пар.

Так и волшебник, беря руну Кано и руну Лагуз, получит кипящую воду, а добавив времени – пар, а никак не что иное.

Но руна, начертанная на медальоне, поставила меня в тупик. Была она столь сложной и запутанной, что угадать хотя бы одну базовую руну я не мог. Вот эти черточки складывались в Альгиз, но это мог быть и Манназ, к которому прибавили повёрнутую Кано. А это что вообще такое? Йера? Да нет, слишком уж начертание странное. Вообще на спираль похоже.

Может это и не руна вовсе?

Мало ли... ювелир безграмотный выгравировал. Или сумасшедший маг. Или любитель розыгрышей руку приложил.

Минут двадцать я рылся в справочнике, пытался найти хоть какой-то аналог таинственной руны. Увы, ничего. Так что я захлопнул Рунный Определитель и мрачно уставился на амулет.

Амулету от моего злого взгляда было ни жарко, ни холодно.

Я медлил, но искушение было слишком велико. Такую безумную руну я запомнить не мог, поэтому неотрывно смотрел на неё, вливая в узор секунду за секундой.

Вначале мне показалось, что отклика вообще нет. Время вливалось в амулет, словно вода в сухой песок пустыни.

Потом что-то дрогнуло. На второй минуте я почувствовал слабый-преслабый отклик.

Всё-таки это руна. Но какая?

Я со вздохом спрятал амулет в карман. Официант как раз нёс мне поднос с чаем – маленький чайник белого фарфора, две чашки, молочник, вазочка с печеньем...

Стоп! Почему чашек две?

И тут я заметил идущего за официантом человека в длинном чёрном сюртуке, чёрных брюках и приплюснутой шляпе-котелке, которую он не потрудился снять даже в помещении. Вот уж чего мне не хватало – регулятора!

Эти ребята сами по себе магией не владеют. Кажется, это что-то вроде непрямого условия для их работы, чтобы никакого сочувствия к нам не возникало. Зато они пользуются мощными амулетами, некоторые из которых, по слухам, зарядил для них сам Тёмный Властелин. Большинство регуляторов – немолодые мужчины, отслужившие в армии или в гвардии, кое-кто пришёл из полиции, но встречаются и совершенно чудные типы – и доктора, и механики, и философы.

Идущий ко мне регулятор был кем-то средним между доктором и философом. Звали его Эмир, был он плотным и добродушным, с близорукими, часто мигающими глазами; про себя он рассказывал охотно, но мало – как это получалось, ума не приложу. Вроде улыбается и говорит, говорит, говорит, а потом ты понимаешь, что сам ему рассказал то, чего и не собирался, а он тебе – какую-то ерунду. Как учился на доктора в университете, как потом ушёл к философам, как пробовал изучить магию, но способностей не нашлось.

С другой стороны, был Эмир мужиком не вредным, молодёжь старался беречь, за мелкие нарушения только ругал, но даже штраф не накладывал. Не самый плохой человек.

В любой другой день я бы его чаем и сам с удовольствием угостил.

– Чай за мой счёт, юноша, – садясь напротив, сказал Эмир. Официант быстро расставлял посуду, торопясь скрыться. Регуляторов побаиваются не только маги.

– Да нет уж, я угощаю, – ответил я. И не удержался от подначки: – Платят-то вам не щедро, господин регулятор!

– Верно, – признал Эмир. – Зато все мои годы прожиты. Но я не откажусь, не откажусь от чая... да ещё с пирожными. Ходят слухи, что сладости подорожают.

– С чего бы? – удивился я.

– У сахароторговца Снапса, пусть его жирная задница побыстрее слипнется, случилась неприятность. Прямо посреди главного склада сахара прорвались подземные воды. Замочило все запасы, которые Снапс готовил, чтобы начать спекулировать. По улицам до сих пор текут сиропные реки. Говорят, народ размышляет, не бросить ли дрожжей выше по течению, чтобы к морю доходила бражка.

Я ухмыльнулся. Судя по тону, Эмир претензий не имел.

– Какой кошмар, – сказал я. – Очень удачно, что я сегодня прикупил немного сахара. Совершенно случайно.

– Ага, – кивнул Эмир и наконец-то налил чай – и себе, и мне. – Я как раз потому и подошёл. Хотел узнать: может, ты

руну предвиденья открыл?

– Три вещи недоступны магии, – важно ответил я, отпивая чай. – Вернуть потраченное время, узнать грядущее будущее и постичь истинное прошлое.

– Короче, со временем всегда проблемы, – кивнул Эмир. – Хотя я слышал, что у диких горцев есть святилище, где женщины-предсказательницы видят будущее.

– Враки, – сказал я убеждённо. – Если узнать будущее, то его можно изменить. А как тогда его узнаешь, если оно не случится?

– Может, и враки, – согласился регулятор. – Ничего больше рассказать не хочешь?

– Происшествие на складе торговца было лицензировано? – на всякий случай уточнил я.

– Конечно, – сказал Эмир. – Иначе я бы говорил с тобой иначе, парень.

– Спросите у Миры, – предложил я.

– Ага, – произнёс он. – Понял. Неожиданно изящное решение, она никогда не смотрит вниз... Может, ей кто помог?

– Мир не без добрых людей.

– И то верно. – Эмир налил себе вторую чашку. – Ну, надеюсь, жена вовремя прочитала мою весточку и тоже прикупила сахарку... А ты как, кстати, юный Грис? Выглядишь повзрослевшим...

Я выдержал его взгляд и ответил с лёгким раздражением:

– Вы же знаете, Эмир, как говорят у нас в Академии. Ма-

гия берёт своё понемногу, но, когда счёт накопится – платишь сразу.

Честно говоря, только что придумал эту фразу. Но прозвучала убедительно. Эмир мигнул и отвёл взгляд. Мне кажется, его смущало то, как мы платим за волшебство.

– А ты не знаешь, никто сегодня ночью не хулиганил? – спросил он вдруг. – За тебя я спокоен, ты парень умный, но вдруг кто-то польстился на лёгкие деньги?

– Что такое? – насторожился я.

– Ограбили почтенного натурфилософа, доктора Ирбрана. Известный человек... в узких кругах. Наглое вторжение с применением магии.

– Ну ведь по лицензии же? – спросил я.

Лицензия, заверенная и подписанная, лежала у меня в кармане.

– Если бы, – вздохнул Эмир. – Ограбили без лицензии. Не завидую я этому магу, Грис... Ладно. Спасибо тебе за чай.

Он встал и пошёл к выходу. А я комкал в кармане лицензию, медленно осознавая весь ужас своей ситуации.

Я не просто ухнул год жизни бесплатно.

Я ещё и совершил ограбление без лицензии.

Мне подсунули фальшивку – и я поверил!

До самой двери в вестибюль я сверлил взглядом спину Эмира; удивительно, что он не почувствовал мой взгляд. Когда регулятор вышел, я невольно задержал взгляд на ростовом портрете над дверью (да-да, у нас тут потолки повыше

бальной залы натурфилософа). На портрете, понятное дело, был изображён четвёртый маг, Акс Танри, в честь которого и был назван клуб.

Внешность у Танри была самая заурядная, одежда простая, портрет от времени потемнел, да и живописец не блистал талантами.

Поэтому, когда я наконец-то осознал, за что зацепился мой взгляд, то лишь хлопнул ладонью по столу. Даже не заорал.

На груди Акса Танри висел амулет, серебряный диск на серебряной цепочке. На диске была выгравирована буква «А».

Я не только совершил нелегализованное воровство.

Я ещё и украл амулет одного из Шести Героев.

За меньшие прегрешения повелитель лично развеивал преступников прахом по ветру.

Руна третья, Турс

Чай я допил, и пирожные съел все.

А теперь лежал на койке, даже не сняв ботинки, и смотрел в потолок.

По всему выходило, что положение у меня аховое. За магическое ограбление без лицензии меня станут искать все регуляторы Империи. А за святотатство может и лично Тёмный Властелин подключиться.

В отличие от нас, рядовых магов, повелитель Империи бессмертен, вечен и потому во времени и силе волшебства не ограничен. Он – бог. Или полубог. Или человек, но получивший божественную силу.

У всех церковников своё мнение, они из-за этих вопросов непрерывно грызутся, устраивают диспуты, порой переходящие в массовые драки, церковь Властелина давным-давно разделилась на три конфессии – Его Божественного Величия, Его Божественного Происхождения (там внутри есть ещё два течения, одно считает, что Богом был отец Власте-

лина, другое, что Богиней была его мать) и Его Божественного Возвышения. Если бы высшие иерархи не боялись Тёмного Властелина, то давно устроили бы религиозную резню во славу Его. Но они боятся. А Властелин не считает нужным объяснять свою родословную.

Одно несомненно – немногим меньше века назад Шесть Героев помогли Властелину победить и получить власть над Империей, свергнув прогнившую монархию и короля-тирана. Поэтому мы чтим Героев, а оскорбление их памяти является преступлением не меньшим, чем посягательство на Властелина. Может даже большим, потому что посягай на него или не посягай – ничего не изменится.

А Властелину обнаружить меня – раз плюнуть. Он вольёт в поисковую руну десяток лет. Или сотню. И найдёт меня.

Странно, что до сих пор не нашёл.

При этой мысли я неожиданно приободрился.

Кто сказал, что Тёмный Властелин в курсе случившегося святотатства?

Откуда у натурфилософа, балующегося созданием монстров, священный амулет Четвёртого Героя? Такая ценность должна в алтаре собора храниться, к ней верующие должны по праздникам прикладываться!

Если амулет валялся в сейфе, в неприметном отделении, так, может, Ирбран и сам не знает о его происхождении? Или же знает, но скрывает! Но тогда он преступник не меньше, чем я!

– Грис!

Мира вошла в мою комнатку даже не постучав. Она по-прежнему была в праздничном платье, только зонтик и сумочку где-то оставила. Весёлая. И чуть-чуть навеселе. Не мороженое она там ела, а вино пила.

– Ты что такой кислый? – она присела на край койки, наклонилась и, лукаво улыбнувшись, чмокнула меня в щёку. Нравится ей меня поддразнивать. Но я на это не куплюсь. Любовь, она для мага – главный враг.

– Я в дерьме, – честно ответил я.

Мира отстранилась и внимательно меня осмотрела. Сказала:

– Уверен? Вроде как выглядишь прилично, ничем не пахнешь.

Вот даже не поймёшь, шутит она или всерьёз! У северян странное чувство юмора.

– Послушай, Мира. Наниматель меня обманул. Лицензии на кражу у натурфилософа не было.

– Что? – воскликнула Мира.

– Сама посмотри, – я кивнул на стол.

Мира схватила листок бумаги, внимательно осмотрела. Тщательно изучила саму бумагу, гербы, водяные знаки, подписи. Потом ткнула пальцем в сургучную печать, вливая туда немножко времени. Твёрдо сказала:

– Лицензия настоящая!

– Да, только на другой дом. В лицензии написано Аллея

Невежд. А натурфилософ живёт на Аллее Невеж.

Мира задумалась.

– Это не одно и то же?

– Абсолютно. Невежа – человек грубый, невежливый.

А невежда – человек тупой, невежественный.

– Кто только придумал давать улицам такие названия! – воскликнула Мира.

– А то, что клуб стоит в Свиногонном тупике, тебя не смущает? Или улица Вшивого Белья?

– Исторические названия – совсем другое дело. – Мира любила поспорить с очевидными фактами. – Грис, это обман, ты пострадавший. Регуляторы поймут!

– Не факт.

– Почему ты вообще пошёл по неправильному адресу?

– Потому что господин Сект вначале отвёл меня к особняку, долго про него рассказывал. Затем мы пошли в ресторан, где торговались о цене. И когда, наконец, Сект согласился, выдал мне задаток и лицензию, я уже совсем заморочился!

– Всё равно надо идти к регуляторам, – решила Мира. – Это подстава.

– Есть ещё проблема, – вздохнул я. – Видишь на столе побрякушку на цепочке?

И рассказал ей про амулет.

Вот теперь Мира задумалась по-настоящему. А я лежал и страдал. Всегда приятнее страдать, когда с кем-то поделился своей бедой. Кто говорит, что разделённое горе вполтину

меньше, а вот наш регулятор однажды сказал, что это пере-
кладывание ответственности. Наверное, он прав.

– Тогда надо идти к натурфилософу, – решила Мира. –
Отдашь ему амулет. Может, даже не стоит говорить, что ты
понял, чей он. Пожалуйся на Секта, сдай его. Ты этому об-
манщику ничем не обязан! Ну и пообещай отработать свою
вину. Доктор отзовёт жалобу – что ему с твоего наказания?
Куда приятней выгоду поймать!

Я вспомнил мрачноватую лабораторию, операционные
столы, чешуйчатого монстра. Кто его знает, что решит док-
тор? Может, он совместит наказание и выгоду, сотворит из
меня нового уродца. Буду бегать ночами по особняку напе-
регонки с зубастой тварью.

Но всё-таки в словах Миры был резон.

– Я помогу, – добавила Мира. – С тобой пойду.

– Со мной не надо, – решил я. – Но спасибо. Помощь мне
потребуется.

Не собирался я возвращаться на Аллею Невеж в ближай-
шие дни. И даже недели и месяцы. Но кто же знал, что всё
так сложится!

Я почистил свой лучший костюм – тот, в котором ходил
в порт. У меня не слишком богатый гардероб. Но я поменял
рубашку на белую батистовую, а Мира настояла, чтобы я по-
вязал на шею галстук, который она мне принесла, модный и
дорогой, шнурок из плетёного чёрного шёлка. Не знаю, от-

куда он у нее; может быть, своему парню подарок готовила, она говорила, что у неё есть парень.

В руках у меня был портфель, словно у стряпчего или нотариуса. В портфеле лежал свежий лабораторный журнал, отвергнутый Сектом.

Особняк днём выглядел совсем иначе. Не мрачным и жутким, а обычным богатым домом, лишь чуть запущенным. Возился возле клумбы садовник, ворота в сад открыл лакей с невозмутимым лицом. Никогда не подумаешь, что этот дом ночью ограбили.

– Важная информация для доктора натурфилософии Ирбрана, – сказал я торжественно.

Лакей не стал ни спорить, ни переспрашивать. Кивнул и двинулся к особняку. Я за ним, по выложенной полированным камнем дорожке. Когда мы проходили мимо клумбы, я глянул на садовника – тот вздохал, оглаживая и поправляя поломанный куст белых роз. Розы жалко, конечно. Но я не нарочно, темно было.

Окно, через которое я проник в особняк, было по-прежнему открыто. Может, они и не поняли, что я поднялся по стене и вошёл сразу на второй этаж?

По всему выходило, что меня оставят в передней зале, сразу у входа, где стояли диванчики и аляповатые скульптуры, изображавшие девушек в ярких платьях. Как по мне, так раскрашивать мрамор – дурной вкус, лучше его оставлять белым.

Но лакей жестом велел подыматься за ним по лестнице. Мы миновали вход в бальную залу, прошли по коридору, мимо поворота к комнатам прислуги – и вышли к лаборатории. Только не через оранжерею, а к другому входу.

Вот тут уж мне велели подождать. И я честно ждал за закрытой дверью минут пять. Эта дверь была вовсе не такой крепкой, как идущая из оранжереи, и у меня возникло подозрение, что доктор больше опасался растений, которые выращивал, чем воров.

Наконец лакей вышел, явно получив от хозяина кучу указаний. Он даже на меня взглянул с лёгкой растерянностью, словно удивился, что я ещё тут.

– Доктор примет вас в лаборатории, молодой человек, – сказал он. – Попрошу вас ничего не трогать, по сторонам не смотреть и не отвлекать доктора слишком уж надолго. Его время слишком ценно.

Я послушно кивнул и второй раз за сутки вошёл в лабораторию почтенного доктора Ирбрана.

Здесь всё было, как и ночью, только под потолком светили яркие лампы. Вскрытый сейф уже убрали, быстро же они! Лабораторные журналы, амулеты и деньги в беспорядке лежали на одном из операционных столов, вперемешку со скальпелями, пилами и прочей хирургической жутью. Похоже, доктор Ирбран проверял, что именно похищено.

– Ну? Что встали? Быстрее!

Я не сразу заметил доктора натурфилософии. Он стоял у стеклянного цилиндра, внутри которого плавала красная роза, и разглядывал её, удостоив меня лишь короткого взгляда. Маленький рост и чистый белый халат удивительным образом делали его неприметным.

– Здравствуйте, доктор, – сказал я.

– Добрый день. Или вечер, что там? Доставайте бумаги.

Голос у доктора был тихий, но властный. И грустный.

– Да, сейчас, – растерялся я и полез в портфель за лабораторным журналом. Достал его, подошёл к Ирбрану и протянул.

– Когда привезут сейф? – беря журнал, спросил доктор. – Это что?

– Какой сейф? – не понял я.

– Новый! Надёжный! Откуда у вас мой лабораторный журнал?

Доктор наконец-то посмотрел мне в лицо. Был он на голову ниже меня, пузатый и немолодой. Волосы начинали лысеть и были бережно уложены, чтобы скрыть это. Бледно-голубые глаза близоруко щурились.

– Возвращаю, – сказал я.

– Вы не из компании «Гарант покоя». Вы – вор, – сказал доктор без особого удивления.

– Да.

– Маг? – Доктор продолжал меня осматривать и под его взглядом становилось всё неудобнее.

– Да.

– Любопытно. – Доктор небрежно пролистал журнал. Я его тоже смотрел, но мало что понял. Записи на латыни, цифры, жутковатые наброски вскрытых человеческих и звериных тел. – Вы раскаялись?

– Нет, – честно сказал я. – Это ведь обычная работа. Но меня обманули, подсунули фальшивую лицензию.

– Ха, – презрительно произнёс доктор и небрежно положил журнал к остальным. – Где остальное?

– У нанимателя. Его зовут Сект.

– Не знаю такого. Где он?

– И я не знаю. Но он получал лицензию по адресу Аллея Невежд, в канцелярии полиции должны быть его данные.

Доктор расхохотался.

– Ах вот как! Невежд! Изящно! Верно, юноша?

Я промолчал.

– Вас обвели вокруг пальца, как деревенского дурачка, – презрительно сказал доктор. – Вы полезли в те сферы, куда вам соваться не стоило. А теперь пытаетесь вылезти сухим из воды.

– Виноват, – признал я. – Обвели. Позвольте искупить свою вину.

Доктор молчал, сложив руки на груди. Насмешливо смотрел на меня. Потом сказал:

– Молодой, амбициозный, наивный. Что мне с тебя взять?

– Можете простить и отпустить, – предложил я.

Доктор снова засмеялся, но резко оборвал смех.

– Зачем этому... Секту... журнал экспериментов двухлетней давности?

– Он говорил, что там что-то важное...

– Балбес. Я не храню важного на бумаге. – Доктор, буд-то утратив ко мне интерес, снова уставился на розу в цилиндре. – А где амулет?

– У товарища, – сказал я. – Давайте договоримся, как мы всё уладим, и я его принесу.

– Ко всему ещё и наглый, – сказал доктор. Но это прозвучало скорее одобрительно. – Значит, так. Отработаешь магией, года три-четыре потратишь. Для экспериментов мне нужны рунные знаки, которые надо зарядить. Амулет принесёшь сегодня же – чем быстрее, тем лучше. Если надо будет дать показания регуляторам, всё расскажешь как есть. Как тебе такое предложение?

Четыре года. Ну ладно, пускай три. Много!

Но я буду живой и на свободе.

Немного старше Миры.

И ещё дурацкие жалкие усики сменятся нормальными усами.

– Спасибо, доктор, я согласен, – быстро сказал я. – Простите, это была моя невнимательность.

Доктор смотрел на меня, о чём-то размышляя. Потом вздохнул:

– Поддай-ка мне со стола браслет, сынок. Чёрный браслет

с красным камнем.

Я взял со стола браслет – он лежал на виду. Увесистая вещица. Чёрный металл, похоже, что дешёвая сталь. А вот красный камень оказался рубином, только огранённым очень странно, он был округлый, как голубиное яйцо.

– Вот. – Я протянул доктору браслет.

Ирбран неторопливо взял браслет у меня из рук, надавил на камень – браслет раскрылся на два полукружия. И неуловимо быстрым движением, которого я от доктора никак не ожидал, захлопнул на моём запястье.

– Так будет лучше, – удовлетворённо сказал Ирбран.

– Я не собирался вас обманывать! – воскликнул я. Браслет наверняка был каким-то устройством для слежки. – Это совсем не нужно! Клянусь!

– Не люблю полагаться на клятвы – особенно если человек меня уже разок обманул, – сказал доктор. – Браслет довольно прост, юноша. На нём руна замка, чтобы снять его мог только я. И всё.

Я поднял руку с браслетом. Не удержался и спросил:

– Тогда зачем он?

Доктор улыбнулся.

– Руна замка не совсем обычная. Она очень хорошо пьёт время. Любое. Может впитать более полувека. Любое заклинание, которое ты попытаешься применить, вначале начнёт наполнять браслет. И только когда он насытится, ты сможешь колдовать.

– Значит, я не смогу колдовать! – возмутился я.

– Верно! – совсем уж развеселился доктор.

– Это не нужно, я не собираюсь вас обманывать, – сказал я. – Но, если так хотите... хорошо, я сейчас схожу за амулетом.

– Ты не понял, юноша, – сказал доктор. – Я решил не отпускать тебя. Точнее, я отпущу тебя через пару часов, когда мы немного повозимся с твоей головой и я буду уверен в послушании.

Я отступил от доктора на шаг. И попытался, рефлексивно, вызвать руну Турс. Влил в неё без малого час.

Моё время ухнуло куда-то в глубины чёрного браслета.

– Ты как-то изменился в лице, – сказал доктор. – Попробовал? Всё работает?

– Отпустите меня, – я оглянулся и схватил с заваленного предметами лабораторного стола нож – длинный хирургический нож с зазубренной кромкой. – Я и так всё верну, я же сам пришёл!

– Скорее всего, но предпочитаю быть уверенным, – сказал доктор. – Бери его, девочка.

Где пряталась чешуйчатая тварь, я так и не понял. Может, под столами, а может, за шкафами с колбами. Но подскочила она ко мне мгновенно. Одной рукой сжала горло, заставляя согнуться в три погибели, другой вывернула за спину руку, так, что державшие нож пальцы разжались. И потащила к свободному столу.

Мной овладела паника.

Я рвался из её лап, пинался, пытался упасть на пол. Но мелкая тварь ухитрилась пережать мне горло так, что я задохался и в глазах потемнело. А мои удары и пинки её совершенно не волновали.

Учитывая, что она вытерпела ночью, нечего было и надеяться победить её голыми руками. И уж тем более рассчитывать на пощаду.

– Доктор Ирбран! – прохрипел я. – Если вы... не отпустите... я скажу всем, что амулет принадлежал...

Тварь сильнее придавила мне горло, и я замолчал. Но при этом она остановилась и выжидающе уставилась на Ирбрана.

Доктор подошёл и сочувственно посмотрел мне в глаза.

– Да ты совсем простак, мальчик. Вот теперь у меня даже нет выбора. На стол его, девочка!

Полупридушенного, меня забросили на стол – и доктор быстрыми движениями затянул на руках и ногах кожаные петли. Те были жёсткие и заскорузлые, словно не раз намокали. И не в воде.

Тварь что-то прорычала.

– Ну хорошо, раздень его, – добродушно сказал доктор. – Всё равно одежда запачкается...

Он отошёл к своим лабораторным шкафам, а тварь запрыгнула на стол. Заглянула в лицо своими человеческими глазами.

Как она собирается меня раздеть? У меня руки и ноги

привязаны к столу!

Тварь протянула лапу и острым когтём вспорола сюртук, от воротника и по рукаву, к обшлагоу.

– Она предпочитает, когда пациенты голые, – сказал Ирбран. – Любопытство, полагаю. С одной стороны, нам это не очень важно, я пока не собираюсь тебя оперировать, но брызги крови неизбежно будут, и тошнить тебя тоже станет, а ещё ты непременно обделаешься.

Он вернулся, неся в руках банку из толстого стекла. В банке извивалась лиана.

– Ты, наверное, видел её ночью, – сказал Ирбран. – Это прелюбопытное создание! Во влажных землях юга есть целые леса, захваченные Жохар-До-Лакши, «древом ночи». Это паразитическая лиана, которая выработала уникальный механизм своей защиты и размножения. Сама лиана растёт на деревьях, высасывая из них соки и, со временем, полностью замещая древесину. А вот её отростки впиваются в животных и людей, имевших неосторожность приблизиться. Укол лианы крайне болезненный и лишает живые существа воли. Они приближаются к оплётённому лианой стволу и застывают, будто зачарованные. Тем временем лиана прорастает сквозь тело и поражает мозг. Большая часть животных и людей погибают и служат лиане удобрением. Но меньшая часть выживает, юный маг! Они становятся рабами лианы. Стебель их отпускает, но они не уходят далеко, незримая нить держит их на расстоянии десяти минут ходьбы. Они

бродят вокруг дерева-хозяина, ловят для него добычу, удобряют своими испражнениями, приносят воду в жаркие дни, укрывают от солнца – лиана не любит свет. Если древу ночи грозит беда, рабы бьются за него насмерть. Те немногие, кого удалось оттащить от дерева достаточно далеко, разрывали связь и приходили в себя. Они описывали своё рабское состояние как неслыханный экстаз, как чувство всепоглощающей любви и полноту бытия... Многие вновь возвращались к Жохар-До-Лакши, не в силах жить обычной жизнью.

Доктор поднёс банку к моему лицу, позволив полюбоваться зелёным червём. Тот, словно почуяв добычу, начал дёргаться во все стороны. Чешуйчатый уродец тем временем обстригал с меня одежду. Когда он принялся за брюки, я вдруг ощутил стыд. Нелепость, но факт! То, что мерзавец Ирбран называл тварь «девочкой», меня смутило.

– Я исследовал древо ночи и обнаружил, что если вводить отросток лианы прямо в сонную артерию, он легко проникает к мозгу и редко приводит к смерти. Но самое удивительное, мой друг, происходит, когда после этого раб видит не дерево, а человека! Всё его естество охватывает любовь и желание подчиняться. Замечательно, правда?

Доктор наклонился надо мной и хихикнул. Доверительно прошептал в самое ухо:

– Я знаю, что того же можно добиться магией. И, кстати, я ею владею. Но куда полезнее не тратить время попусту. Он потрепал меня по щеке.

– Сейчас тебе станет очень больно. Но через час, когда я смою с тебя кровь и дерьмо, ты будешь обожать меня всей душой! И отправишься за амулетом с искренним желанием угодить. Возможно, я даже верну тебе способность к магии...

Поставив банку рядом, Ирбран вернулся к своим стеллажам. Достал и начал натягивать на руки длинные, по локоть, кольчужные перчатки. А я, совершенно голый, извивался на столе, под внимательным взглядом чешуйчатой твари.

– Я не хочу здесь быть! – закричал я. – Всё что угодно! Пусть это кончится!

– Увы, увy, – сказал доктор, приближаясь и поправляя перчатки. – Это не сон, ты не проснёшься. Кстати, знаешь, почему тебе дали фальшивую лицензию? Да потому что никто в здравом уме со мной связываться не станет. У меня есть определённая репутация и очень хорошие связи, юноша...

Он стал раскручивать притёртую пробку. Лиана выпрямилась, будто атакующая сколопендра.

– Забирай меня! – крикнул я.

И вот тут доктор насторожился. Его взгляд забежал по моему телу – и замер чуть выше пупка. Там, где Мира тонким пером начертила следящую руну.

– Ах ты гадёныш! – крикнул доктор. Протянул руку, схватил откуда-то длинный тонкий скальпель. Он явно собирался срезать с меня руну вместе с кожей.

Но в этот миг Мира наконец-то метнула в меня руну Пути.
Мир исчез – и появился снова.

Я покатился по дощатой площадке, покрытой несвежими опилками, стукнулся головой, вскрикнул от боли. Присел.

С одной стороны, более нелепое место для переноса трудно было бы придумать. Я оказался на арене цирка-шапито.

Голый.

С антимагическим браслетом на запястье.

С болтающимися на руках и ногах петлями. Стол, к счастью, за мной не последовал.

Зато последовала чешуйчатая тварь. Она стояла в паре шагов, опустившись на четвереньки, покачиваясь и шипя.

Не на меня, кстати. А на выползающий из перевёрнутой банки обрывок кровожадной лианы.

Из плюсов было только то, что сегодня в цирке выходной. Ни одного зрителя на трибунах, ни одного сраного клоуна или тупого силача на арене.

Впрочем, какой в этом плюс, когда я один-одинёшенек, без магии, а рядом мелкий, но неубиваемый монстр и зелёная пакость, превращающая людей в безвольных рабов!

Боги живые и мёртвые, Тёмный Властелин, мамочка с папочкой – чем я заслужил такую судьбу?

Умереть голым на арене цирка!

Я же с детства ненавижу клоунов!

Руна одиннадцатая, Исаз

Идея с цирком-шапито принадлежала Мире. Она там когда-то подрабатывала. Не фокусником, конечно, – магам запрещено заниматься цирковыми фокусами, это ведь жульничество. Мира работала на страховке – сидела за кулисами и была готова в любой миг подхватить падающего воздушно-гимнаста, придержать гирию, вырвавшуюся из рук силача, обездвигить тигра или иного опасного зверя, набросившегося на дрессировщика.

Работа нетрудная, магию приходится применять нечасто, а если даже и приходится, то времени тратишь совсем чуть-чуть.

Но и платили за эту работу скудно, а внимания она требует полного. Такая работа для стариков, которые уже никуда не спешат и хотят зарабатывать небольшие деньги без усилий. Однажды Мира о чём-то задумалась и едва не упустила падение «Блистательной Треси – воздушной гимнастки с зонтиком» (мне кажется, публике больше всего в Треси нра-

вилось то, что из одежды у неё был лишь зонтик, а вовсе не те кульбиты, что она выделявала под куполом). Мира её всё-таки поймала, уже у самой арены. Но Треси была недовольна тем, что её поймали за ногу и она, болтаясь голышом перед зрителями, вызвала громкий хохот – все приняли её падение за отрепетированную шутку. А Мира натерпелась страха больше, чем гимнастка.

Как бы там ни было, из цирка она ушла без скандала, порой даже заглядывала туда поболтать со знакомыми. И точно знала, что сегодня выходной, представлений не будет, а все артисты, положившись на сторожа, отправятся пьянствовать.

Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы сейчас на арене были пара силачей, дрессировщик со свирепым тигром и ещё какой-нибудь мастер мечей с острыми клинками.

Я сидел в луче света, падающего через окно в брезентовом куполе цирка. Голый, перепуганный и лишённый магии.

Передо мной застыл, подобный змее или насекомому, побег лианы. Сейчас, вытянувшись и свернувшись на арене спиралью, он походил скорее на кобру.

За ним на четвереньках стояла мелкая тварь в своей броневой чешуе и скалила несоразмерно большую пасть. Нет, не просто скалила, откашливалась, будто что-то застряло у неё в горле. Внезапно она с мучительным стоном выплюнула что-то тёмно-зелёное, извивающееся – и раздавила резкими движениями рук или передних лап. Харкнула кровью. И по-

вела головой, осматриваясь. Прищурилась, глядя на меня.

– Мира! – закричал я, сдвигая ноги. Ещё не хватало, чтобы лиана или тварь вцепились в самое важное место на мужском теле!

Да где же она?

Тварь прыгнула. Я рванулся, покатился по арене, уходя с её пути.

Но тварь целилась не в меня. Двумя ударами когтистых рук она исполосовала побег лианы на мелкие кусочки, хоть в салат клади. Потом растоптала ошмётки, ничуть не беспокоясь, что они в неё вцепятся и выпрямилась.

Встал и я.

Ох, дурацкое ощущение, когда ты в опасности и голышом! Сразу становится ещё страшнее, будто одежда может защитить от монстра...

– Хорошая девочка, – сказал я. – Умная девочка. Убила тварь. Двух тварей убила. Спасибо. Мы же не враги? Верно? Я могу уйти?

Я сделал шаг назад.

Тварь издала тихий писк. Потом быстрыми шагами подошла ко мне.

И, обхватив лапами, прижалась головой к животу.

Несколько мгновений я в ужасе ждал, что жуткое создание вцепится мне зубами в живот. Или выпустит когти и располосует спину до самых почек.

Но тварь просто стояла. Чешуя оказалась неожиданно тёп-

лой и мягкой.

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Мы не ссоримся, всё хорошо.

Тварь снова пискнула.

– Ты... боишься? – внезапно понял я. – Ты чего-то боишься, да?

Голова твари вжалась мне в живот ещё сильнее. И вроде как кивнула.

Это было так нелепо, что я едва не рассмеялся.

Бронированное чудище немыслимой силы ищет у меня защиты!

– Грис! – раздалось сверху. – Грис, отойди в сторону, я боюсь попасть в тебя!

Мира наконец-то проявилась. Она стояла в проходе на верхних рядах и целилась в нас указательным пальцем.

Тварь зарычала, отскочила, раскинула руки, выпустила когти.

И встала между мной и Мирой. Даже вытянулась как могла выше.

– Стой! – закричал я. – Стой, Мира! Никакой магии! Не трогай её!

– Это же тварь доктора! – крикнула Мира в ответ.

– Да, но... – я помедлил. – Мне кажется, она пытается меня защитить!

– Я ей попытаюсь! – пригрозила Мира. – У меня чистый Турс! Полгода – никакая чешуя не спасёт!

Если Мира действительно собиралась влить в руну удара полгода жизни – чешуя и впрямь не спасёт. Да ничего не спасёт, даже крепостная стена. Создание разлетится в кровавую пыль.

– Мира! Не смей! – крикнул я. И, обмирая от страха, шагнул к чешуйчатому созданию и взял её за плечо. Тварь зарычала, но не обернулась. – А ты успокойся! Она не враг! Не враг! Она беспокоится обо мне!

Тварь повернулась и уставилась на меня своими прозрачными детскими глазёнками. Я непроизвольно прикрыл срам левой ладонью.

– И не рычи! – добавил я. – А то мне самому страшно.

Тварь медленно опустила руки. Покосилась на Миру. На меня. Но не зарычала.

– Она тебя хочет обратно к Ирбрану оттащить! – сказала Мира, всё ещё угрожающе целясь в создание. – Потому и защищала!

– Это так? – спросил я. – Я не пойду к доктору! Лучше потрачу всё своё время и сдохну.

Тварь смотрела на меня изучающе. Потом покачала головой.

– Так ты всё понимаешь, – сказал я. – А говорить не можешь?

После короткой паузы тварь вновь покачала головой.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда... тогда я иду своей дорогой, ты идёшь своей. К доктору возвращаешься или куда там...

домой к себе убегаешь? Ты из дикого леса, дикая тварь?

Опять пауза. Потом создание странно дёрнуло плечами. Будто на мой вопрос не было однозначного ответа.

– Ох, рискуешь ты... – Мира медленно спустилась к нам. В руках у неё был тёмный свёрток, она кинула его мне. – Держи.

Это оказался плащ. Длинный чёрный плащ!

– Какая ты молодец! – Я отвернулся от Мира и принялся разворачивать свёрток. – Как ты догадалась...

– Беспокоилась, что ты будешь весь в крови, – сказала Мира. – Увидеть тебя голым, честно говоря, не рассчитывала.

Я торопливо набросил плащ на плечи. А Мира не унималась:

– У нас девчонки как-то пари затеяли – кто первой тебя увидит без штанов. Зря я не участвовала.

– Это другое, – сказал я обиженно. – Это не секс ни разу.

– Какая разница, формулировка была «без штанов». Сразу скажу: ты неплохо выглядишь.

– Дура, – не выдержал я, чувствуя, как краской заливают лицо.

– И это благодарность за полгода жизни, которую я на тебя убила?

Застегнув плащ на груди, я почувствовал себя увереннее.

– Мира, спасибо. Я благодарен. Это время с меня! И... ты очень хорошо всё рассчитала. Полгода? Лучше бы никто не справился!

– У меня было время всё рассчитать, – ответила Мира, поглядывая на неподвижную тварь. – Как только я увидела лицо этого Ирбрана, сразу поняла, что ничем хорошим разговор не закончится. Я тянула, потому что хотела тебя одного вытащить. Но поняла, что не получится.

– Лицо как лицо, – сказал я. – Мне поначалу он даже понравился.

– Я его видела как-то, – Мира сморщилась. – Он разок приходил в Академию. Предлагал выкупить несколько учеников, которых отчислили перед присягой.

– Как выкупить?

– В полное владение. Говорят, несколько семей согласились и продали, деньги Ирбран давал хорошие.

– Вот же сволочь! – воскликнул я.

– Сволочи, – поправила Мира. – А доктор... учёные, все они – бессердечные создания, а уж натурфилософы – мерзее прочих. Всем известно, что на детях лучше всего экспериментировать.

Мы, не сговариваясь, посмотрели на чешуйчатое создание.

– Думаешь, это человеческая девочка? – спросил я, невольно понизив голос.

– Надеюсь, что нет, – ответила Мира, тоже тише, хотя я был уверен, что создание доктора Ирбрана нас слышит. – В южных землях живут племена разумных рептилий, людоящеров. Они мелкие и покрыты чешуей. Вполне подходящее

описание, верно?

Тварь переступала с ноги на ногу. Слушала.

– Мы пойдём, – сказал я. – Слышишь? Пока!

Чешуйчатое создание уселось на покрытый опилками ма-
неж. Закрыла глаза. Похоже, она собралась тут остаться.

– Грис, вот только не надо... – умоляюще сказала Мира.

– Ну не могу я так! – воскликнул я. – Да ты представь, что
будет, когда цирковые вернутся! Они же на неё накинутся,
а она их порвёт!

– Цирковые привыкли с животными иметь дело.

– Мира, ты не представляешь, на что она способна!

– Цирковые – они народ умелый!

– Ну значит её зарежут! Тебе не жалко?

– И что, по улице её вести? – спросила Мира. Я понял,
что она сдаётся.

– Тут найдётся ещё один плащ? Небольшой?

– Можно поискать что-то у карликов-жонглёров, – Мира
пожала плечами. – У них полно ярких тряпок, они любят за-
метно одеваться. Есть плащи с капюшонами в разноцветную
клетку. Только куда ты собрался её вести?

– В клуб нельзя, – согласился я.

– Нам самим туда нельзя! Доктор либо регуляторов вызо-
вет, либо наймёт бандитов. С деньгами у него проблем нет!

Бандиты, конечно, вот так запросто в клуб не войдут. Не
зря мы, входя, оставляли в дверях секунду времени – в за-
щитных заклинаниях эти секунды сложились в годы и деся-

тилетия.

Но регуляторы – это регуляторы.

– У меня есть одна идея, – сказал я. – Только вот ещё проблема... – я помахал рукой с тяжёлым железным браслетом. – Ирбран нацепил на меня. Тут руны, они пьют любую магию, которую я применяю.

– Слышала я про такое, – неожиданно сказала Мира. – Штука хорошая, вот только... пошли.

Вслед за Мирой я забрался в один из вагончиков, соединённых с шатром. Судя по обстановке и запахам, тут обитали цирковые силачи – на полу валялись тяжеленные гири, цепи и прочие атрибуты их профессии. На столе стояла кастрюля с засохшими остатками густой мясной каши, которую силачи едят как ненормальные, чтобы нарастить мышцы, над кашей радостно гудели мухи.

– Где-то тут, – Мира рылась в вещах, бесцеремонно раскидывая грязные тряпки, к которым я бы побрезговал прикоснуться. – У них вечно работа с железом... ага...

Под горой тряпок обнаружился сундучок с инструментами. Мира выбрала из них клещи со здоровенными ручками, пощёлкала с довольным видом.

– Давай руку.

– Мира!

Заглядывающая в дверь фургончика чешуйчатая людоящерка возмущённо рыкнула.

– Да не бойся ты!

Я вытянул руку. Мира приладила клещи к браслету, примерилась. Я закрыл глаза и попросил:

– Если руку разрежешь, то сразу прижги, ладно?

Клещи зловеще щёлкнули и браслет, развалившись, слетел с моей руки.

– Пять минут в силу перекачала, – сказала Мира, пряча клещи в сундук. – А ты прав, даже от меня в браслет время тянуло.

Я пнул браслет, потёр руку. Ни царапины. Я запоздало спросил:

– А если бы там была магическая ловушка? И он бы меня сжёг?

– Да говорю же – знаю я про такие браслеты! – воскликнула Мира. – Не делают на них лишних ловушек. Ну... обычно не делают. Всё уже в порядке!

Тварь доктора Ирбрана недовольно заурчала. Похоже, её самоуверенность Миры тоже показалась несколько наигранной и рискованной.

Хорошо, что уже вечерело. Мы ушли из цирка вовремя – едва мы покинули ярмарочную площадь, где стоял шатёр шапито, и пошли по улице, с другой стороны на площадь вошла весёлая пьяная толпа артистов. Впереди шли карлики и, горланя какую-то песню, размахивали горящими факелами.

– Хуже нет, когда цирковые напьются, – вздохнула Мира.

Шли мы втроём, чешуйчатое создание послушно шага-

ло между нами. В плаще с надвинутым на голову капюшом оно выглядело ребёнком, которого ведут домой старшие брат с сестрой. Интересно, что капюшон был опущен до самого рта и плотная материя закрывала твари глаза – но это ей ничуть не мешало.

Нужная канцелярия полиции была недалеко, хоть в этом нам повезло. Мы остановились в квартале от неё, и Мира в последний раз попыталась меня переспорить:

– А если ты уже в розыске? Если Ирбран подал жалобу?

– Если подал, то регуляторам. Полиция – она сама по себе.

Она магов не ищет, разве что по особым случаям.

Мира вздохнула. И предложила:

– Давай следящую руну обновлю.

– Не надо, всё хорошо будет, – сказал я с уверенностью, которой не испытывал. И, пожав ей руку, зашагал вперёд. Чешуйчатая тварь попыталась двинуться за мной, но я покачал головой – и она смирилась, осталась с Мирой.

Непохоже было, что волшебницу это сильно порадовало.

...Вот уж не знаю почему, но мостовые вблизи полицейских постов и канцелярий становятся куда грязнее, чем на обычных улицах. Вроде как это дело полиции – не только ловить жуликов и воров, но ещё и следить, чтобы граждане не выкидывали мусор где нельзя, не истязали животных, не наказывали слишком строго жён и детей. Но при этом возле полицейских постов – самые большие кучи, самые побитые собаки и женщины с самыми огромными синяками и шиш-

ками. Да и сами полицейские часто такие, что при виде их хочется перейти на другую сторону улицы.

Гвардейцы Тёмного Властелина, напротив, должны заниматься только защитой его чести и достоинства (никто в здравом уме не скажет, что наш повелитель нуждается в том, чтобы охраняли его жизнь). Казалось бы: броди по улицам в нарядной форме и ничего не делай. Но как раз гвардейцы чаще ловили преступников (потому как их существование оскорбляет достоинство Властелина), готовы были утихомирить пьяницу или драчуна, а то и всыпать плетей лентяю, выплеснувшему помои на улице.

Мне порой кажется, что это специально так задумано, чтобы в полицию шли люди обычные, не слишком-то законопослушные и прилежные. Зато в гвардию отбирают тех, кто готов защищать порядок. И горожане сразу видят: где городские власти и полиция – там особой помощи не жди, а где люди Властелина – там всегда защитят.

Так что я шёл, внимательно глядя под ноги, стараясь держаться под горящими фонарями (даже их тут зажгли через раз). У канцелярии чуть задержался, поправляя плащ и причёсывая ладонью волосы. Потом вошёл и оказался в душном маленьком зале, где решёткой был отделён угол для задержанных. Канцелярия оказалась совмещена с обычным постом.

Как оно обычно и бывает, там уже сидели на скамьях несколько бедолаг – угрюмый пьяница с окровавленным ли-

цом, худощавый юноша с длинными нервными пальцами карманника, два господина довольно приличного вида, которые одновременно пытались держаться подальше друг от друга – и от пьяницы с карманником. Небось повздорили в квартале весёлых девочек, загремели в полицию...

– Что тебе? – неприятливо спросил меня полицейский, дядька немолодой и мрачный, в расстёгнутом по причине жары мундире.

– Мне бы в канцелярию, – сказал я.

– Приходи в рабочие часы, – ответил полицейский. Достал из-под заваленного всяким хламом стола кувшинчик с пивом, отхлебнул прямо из него. Поморщился – пиво явно было тёплым.

– Там всегда кто-то есть, – настаивал я. – У канцелярии не бывает нерабочих часов.

– Умный, – скривился полицейский. – Маг, что ли?

– Да.

Полицейский размышлял. Требовать с меня деньги было не за что (да у меня их при себе и не было), но пропустить просто так ему натура не позволяла.

– Тут жарко, – сказал я. – Ваше пиво нагрелось.

Я протянул руку и капнул несколько секунд в руну Исаз.

– Ого, – сказал полицейский, удовлетворённо заглядывая в кувшин. – Постой-ка, а можешь ещё один?

Я охладил и второй кувшинчик.

– По коридору, третья дверь направо, – махнул рукой по-

лицейский с удовольствием отхлёбывая пиво. – Вот же красота, как с ледника...

Дверь в канцелярию оказалась незапертой. Там и впрямь было тихо и пустынно по причине вечернего времени, но среди шкафов и полок возился старый дед в таком же старом ветхом мундире – проглядывал папки, расставлял их по полкам.

– Вечер добрый, здоровья вам, – сказал я.

– И ты не хворай, – ответил дед. Бросил косой взгляд. – Волшебник?

– Да.

– Пацан... – презрительно сказал дед. – Что тебе?

Я опустил глаза. Немного поунижаться иногда полезно.

– Помогите, пожалуйста. Я потерял лицензию. Договор заключил, а лицензию потерял!

В общем-то я ему не врал. Лицензия вместе со всей моей одеждой осталась в лаборатории проклятого доктора Ирбрана.

– Какой-то ты неловкий, – проскрипел дед с явным удовольствием. – Лицензию потерял. Ходишь в рванине, босиком... да я бы по городским говнам без обуви и шага не сделал! Приходи с заказчиком, будем восстанавливать. Порядок такой!

– Да я и адреса его не знаю... – признался я.

– Балбес... – сказал дед с удовольствием. – Вот же балбес...

– Он недавно, три дня назад, лицензию выписывал...

– В нашей канцелярии? Есть ещё южная и верхняя.

– В вашей.

– Как зовут заказчика?

– Господин Сект... Вы только адрес мне скажите, я к нему

пойду, попрошу копию лицензии сделать...

Дед хмыкнул.

– Доктор Сект? Да знаю я его, он частенько ходит... Тупик Семи Радостей, шестой дом. Это через канал, минут десять ходьбы. Тебе так и пять. Если в дерьмо не вляпаешься по дороге.

Дед захихикал. Что-то у него явно было связано с дерьмом и ходьбой босиком! Но сейчас я готов был расцеловать старого хрыча.

– Спасибо вам! Спасибо, здоровья, внуков хороших, содержания достойного...

– Иди уж, балбес, – возвратился дед к своим полкам.

Я уже был в дверях, когда он добавил:

– Ты с ним поосторожнее. Помешанный он... Года два как совсем сбрендил. Впрочем, и раньше безумным был, да, безумным...

Похоже, у старого полицейского оказался очень дурной глаз – выходя из здания канцелярии, я вступил в какую-то дрянь и потом с омерзением отмывал её в канаве. Текущая там вода тоже образцом чистоты не являлась.

Если особняк доктора Ирбрана на вид никак не принадлежал учёному натурфилософу, а скорее сгодился бы успешному торговцу, то доктор Сект («Так я и знала, что он тоже доктор», – сказала Мира) жил в помещении мрачном даже с виду – два этажа, окна закрыты глухими ставнями, ни одного огонька с улицы не видно. Сам тупик Семи Радостей был коротким, в шесть домов, идущих по одной стороне, с другой тянулась длинная высокая стена заброшенных королевских казарм. Во время боёв за столицу Тёмный Властелин ударил по казармам каким-то очень неприятным заклятием и соваться в них до сих пор не рекомендовалось, особенно в ночное время.

Понятное дело, что такое соседство наложило отпечаток и на ближайшие дома. Все они выглядели мрачными и запущенными, сады вокруг домов стояли с облетевшей листвой, словно уже царила поздняя осень, ставни к вечеру закрывали торопливо и с грохотом – кроме тех домов, где их, похоже, и не открывали. Дом доктора Секта был одним из таких.

– Не люблю я учёных, – жаловалась Мира, пока мы подходили к дому. – Волшебство – оно честнее. Даёт силу, но забирает жизнь. Знаешь, чем и за что платишь. А учёные, они всё норовят природу обмануть...

Я с Мирой не спорил, но и не поддакивал. Все норовят природу обмануть, это в человеческой натуре.

– Вы ждите у ворот, – сказал я. – Давайте поговорю с ним вначале.

Но вначале мы ждали все вместе. Я несколько раз подёргал за рычаг, в глубине дома гулко и мрачно звякнул колокол, но к нам никто не торопился выйти. Скрытая под плащом чешуйчатая «девочка» явно нервничала, несколько раз тихонько заныла и угомонилась только после моей просьбы молчать. И без этих скулящих звуков было неприятно тут находиться! Может, она чувствует какие-то учёные эманации или запахи?

Только минут через пять открылась дверь в доме и к калитке подошёл слуга. Я ожидал увидеть старика или хотя бы мужчину зрелого возраста, но слугой оказался молодой парень, по виду – так наш с Мирой ровесник. На нём была ливрея, явно надетая второпях и не до конца застёгнутая.

– Доктор Сект сегодня не принимает, – сказал юноша. – Утром приходите.

– Меня доктор Сект примет, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. – Скажите ему, что пришёл волшебник Грисар.

– А, – сказал парень без удивления. – Да, вас велено впустить, если войдёте. О дамочке и ребёнке разговора не было.

– Мы подождём, – согласилась Мира. И даже положила руку на плечо чешуйчатого создания, когда то попыталось двинуться за нами. Монстр от этого касания вздрогнул, словно хотел отстраниться... а потом вдруг прижался к Мире всем телом. Мира с удивлением глянула на скрытую плащом фигурку и неловко погладила по голове.

Юноша, откровенно позёвывая, повёл меня к дому, перед этим тщательно заперев ворота.

— Что за садом не ухаживаете? — спросил я.

— А что, садовником хочешь наняться? — без всякого трепета спросил парень. — Тут из старых казарм волшебство доносит, когда ветер северный. Цветы сразу мрут, деревья болеют. Давно бы пора всё спилить... Только они стонут, когда их пилишь. Так стонут, что кровь в жилах стынет.

Меня оставили ждать в приёмной зале, освещённой только тремя свечами в подсвечнике. Лакей даже его порывался унести, но поймал мой возмущённый взгляд и двинулся в глубины дома в полутьме, что-то недовольно бормоча про магию и лентяев.

Ну да. Свет вызвать нетрудно. Но я и так за прошедшие сутки поистратился!

Доктор Сект явился минуты через две. В том же самом костюме и очках, что днём. С добытым мной лабораторным журналом. Журнал был закрыт и заложен листом бумаги на каком-то интересном доктору месте.

— Вы меня обманули, доктор Сект, — сказал я сразу, даже не вставая. Людей нервирует, когда с ними говорят сидя, а они стоят.

Доктор мигнул. Потом с достоинством ответил:

— Я выдал вам годную лицензию, где всё было указано чётко и правильно.

— А потом показали совсем другой дом! На улице со сход-

ным названием.

– Но разве я при этом сказал, что именно этот дом надо ограбить? – спросил Сект.

Я задумался. Признал:

– Нет. Но это как бы подразумевалось.

– Ваша ошибка, – равнодушно сказал Сект.

– Если меня поймают, то и журнал у вас заберут! – заметил я.

– Пускай. Всё, что мне нужно, я уже прочитал, – равнодушно сказал доктор. – Пустая трата времени, Ирбран сам не знал, почему у него получилось. Хотите, отдам?

– Мне нужна помощь, – сказал я. – Помощь и защита. За мной погоня. Я чуть не попал на вивисекцию к вашему... коллеге.

По лицу Секта прошла гримаса.

– Он мне не кол... – Сект замолчал. Потом вздохнул: – Я не такой, как он.

– Как по мне – мало чем отличаетесь, – ответил я. – Всем вам, учёным, плевать на людей.

– Вам нужны деньги? – спросил Сект неожиданно.

Неужели совесть проснулась?

– Мне нужно убежище!

Сект вздохнул и неожиданно сел на соседний стул. Снял очки. Протёр.

– Юноша. Я допускаю, что в наших отношениях был элемент... недоговорённости. Я хочу предложить вам новый

контракт.

– И какой? – настороженно спросил я.

– Обещаю вам всю помощь и защиту, которую смогу дать. Но вы должны будете мне помочь. В особняке моего... в особняке доктора Ирбрана есть существо... Вы говорили, что встретили там монстра?

– Чешуйчатый монстр ростом с ребёнка, – осторожно сказал я. – Был такой. Жутковатое создание.

– Доставьте его сюда! – сказал Сект с напором. – Но только живым и невредимым! Если вы это сможете, – я сделаю для вас всё! Всё, что угодно!

– Напишите это на бумаге, заверьте своей подписью и печатью, – сказал я. – Я запечатлею ваше обещание руной.

– И вы попытаетесь выполнить задание? – заинтересовался Сект.

– Пишите, доктор, – сказал я. – Пишите. И велите вашему слуге принести мне горячего чая, пока будете писать.

Руна первая, Феху

Больше всех был недоволен сегодняшними событиями слуга Секта, юноша по имени Вендж. Он, как я понял, привык ложиться рано и наше позднее вторжение воспринял как личную обиду. После ему снова пришлось идти к воротам, вести в дом Миру и чешуйчатую тварь, а потом выслушивать от ошарашенного доктора Секта распоряжение приготовить нам с Мирой комнаты и ужин – и это уж совсем не доставило ему удовольствия.

– Прислуга придёт только завтра утром, – сообщил парень, открывая нам гостевые комнаты, одновременно и пыльные и сырые. Себя он к «прислуге», видимо, не относил. – Могу подмести, но тогда не уснёте, всё в воздух поднимется.

Обстановка в комнатах была старомодная, мебель массивной, с гнутыми ножками и покрытыми резьбой дверцами, кровать высокая, с пятью или шестью тюфяками, когда-то мягкими, но давно слежавшимися.

– Мы тут нечасто гостей принимаем, – уточнил парень, открывая окно и впуская в комнату немного свежего воздуха.

– Оно и видно, – согласилась Мира. – Комнаты одинаковые?

– Во второй гобелены коричневые.

Мира провела пальцем по стене, смахивая пыль. Под её рукой серый гобелен, изображавший плавающие по реке лодочки и кораблики, обрёл голубизну.

– Хорошо, я во вторую пойду, – сказала Мира.

– Ванная комната, – Вендж ткнул пальцем в неприметную дверь. – Персональная у каждого.

– Горячая вода есть? – важно спросил я.

– Котёл по выходным топим, – фыркнул лакей. – Да вам что? Вы же маги. Набрали воды да и нагрели. Полминуты в Кано – жалко, что ли?

Руны, конечно, не секрет. Детей им учат, чтобы определить, есть ли в ребёнке умение к магии. Но парень говорил очень уж уверенно, и цену определил правильно.

– Я в Мастерской магии учился, – пояснил Вендж, увидев мой взгляд. – Ушёл. Сложные руны учу плохо, в уме их представляю с трудом, время вливаю неаккуратно.

Мастерская магии – одно из соперничающих с Академией учебных заведений. Ну или как посмотреть. С их точки зрения – Академия с Мастерской соперничает. В Тёмной Империи есть ещё Школа магии, но она считается попроще. В дру-

гих странах есть свои заведения для обучения волшебников, некоторые славятся, некоторые нет. В Северном Царстве, которое от Империи откололось, есть город-крепость Рунное Древо, оно считается самым древним и знаменитым, но говорят, что туда молодёжь не берут. Туда приходят умудрённые опытом и сединой волшебники, чтобы остаток жизни потратить в познании рунных тайн...

Я заглянул в ванную комнату, зажёл магический свет. Там было ещё сырее, но имелась и чугунная ванна, и фарфоровый унитаз, и умывальник с зеркалом. Кран на трубе совсем прикипел, но я его отвернул – и полилась бурая, плохо пахнущая вода.

– Пусть сбежит немного, застоялась, – посоветовал Вендж и повёл Миру в комнату напротив.

Конечно же, я не стал ждать у ванны, глядя на коричневую струйку воды. Я активировал руну ветра (это сочетание Соулу и Лагуз) и, завернув её воронкой, прошёл по комнате, собирая пыль и отправляя в окно. Это стоило мне минуты, но зато спать я смогу в чистой комнате.

...Сект, что уж скрывать, был поражён, когда Мира подвела к нему создание доктора Ирброна. Чешуйчатая «девочка» послушно сняла капюшон – Сект вытаращился на неё, снял и протёр очки, уставился на меня, потом на монстра. Спросил:

– Безопасно?

– Кажется, да. – Я рассказал ему всё, что произошло по-

сле моего визита к Ирбрану. Не скрывая и того, что пришёл виниться и сдал самого Секта с потрохами.

Сейчас чешуйчатая тварь сидела в клетке в лаборатории самого Секта (скажу честно – выглядела та не менее пугающе, чем у его коллеги). Впрочем, я велел «девочке» зайти туда, лишь когда Сект клятвенно пообещал, что не собирается ничего с ней делать, а просто не хотел бы оставаться со столь пугающим созданием наедине. Все объяснения Сект пообещал дать через час, за ужином, предложив нам пока привести себя в порядок.

Мы с Мирой согласились. Я не считаю, что внешность для мужчины столь уж важна, но после лаборатории Ирбрана чувствовал себя грязным. И не только физически. Так себя чувствуют, наверное, те, над кем надругались или, как минимум, долго глумились...

Когда я привёл комнату в порядок и вернулся в ванную, из крана текла уже чистая вода. Я заткнул сток тяжёлой деревянной пробкой, которую не мешало бы помыть, набрал воду, скинул единственное, что прикрывало мою наготу – плащ, и забрался в воду. На краю ванны лежал кусок иссохшегося мыла, когда-то пахнувший цветами, а сейчас лишь щёлочью. Вода и впрямь была холодной, так что я истратил полминуты и нагрел её, после чего уселся и принялся намыливаться. Обнаружил, что потраченный на перенос год оставил ещё один явный след – на груди стали расти волосы.

Ну, невелика беда. Усы заметнее. Надо, кстати, решить –

брить их или оставить. Обычный парень моих лет точно бы оставил. Но маги стараются казаться моложе.

В дверь ванной комнаты постучали, и голос Венджа произнёс:

– Я оставлю чистую одежду на кровати, волшебник Грисар.

– Спасибо, – пробормотал я.

Особого пиетета парень, похоже, не испытывал. Может, оттого, что и сам когда-то учился на мага, а может, потому, что считал себя не просто лакеем, а помощником Секта.

– Тварь-то та не опасна? – спросил через дверь Вендж.

– Нет. Не знаю. А что?

Вендж чуть приоткрыл дверь и, старательно не глядя в мою сторону, пояснил:

– Да жутковатая она. Вроде мелкая, как дитё, а задела меня плечом – чуть не упал. Весит, будто взрослый человек. А ещё эта чешуя. И глаза жуткие.

– Глаза у неё как раз человеческие.

– Оттого и жуть! – сказал Вендж.

– А скажи, ты давно прислу... помогаешь доктору Секту?

– Я три года как его доверенный помощник.

– Не случилось ли доктору Секту два года назад потерять близкого человека? Ребёнка? Дочку или внучку?

Вендж искренне засмеялся.

– Ты что? Решил, что доктор Ирбран украл родного ребёнка у доктора Секта? И своим мастерством преобразил в

монстра?

– Была такая версия, – сознался я.

– Ошибочная, – сообщил Вендж. – Могу зайти?

– Да заходи, мне-то что, – сказал я.

Венджу явно хотелось посплетничать. Он подошёл к ванне и заговорщицким шёпотом пояснил:

– Лет десять назад Тёмный Властелин объявил натурфилософам конкурс на создание изменённых – бойцов, превосходящих обычных людей силой, ловкостью и живучестью. Дело сложное, сам понимаешь, но и награда обещана высокая. Сект был близок к созданию изменённых, но Ирбран украл его секрет.

– Ирбран уверял, что не знает Секта, – вспомнил я.

Вендж пожал плечами.

– Врёт. Так вот, Ирбран украл открытия Секта и создал эту чешуйчатую тварь. Вот только вышло это у него один раз.

– А что же Сект ничего не создал? Если это его открытие?

Вендж замялся. Похоже, ответить ему было нечего.

– Может, Ирбран какой-то важный ингредиент похитил?

– Понятно, – сказал я, хотя как с моей стороны – так всё ещё более запутывалось. Причём начиная с конкурса Тёмного Властелина. Никогда не слышал, чтобы величайший волшебник мира интересовался натурфилософией и чего-то там заказывал учёным. Да и мерзавец Ирбран, когда я назвал имя Секта, выглядел искренне удивлённым. – Спасибо, что прояснил ситуацию.

– Если что – спрашивай, – кивнул Вендж. – Слушай... а эта, волшебница... сколько ей лет-то? Настоящих?

– Не знаю.

– Не твоя подружка?

– Друг, – уточнил я.

– Ага. Ну, если вдруг она заскучает и меня позовёт... – Вендж ухмыльнулся. – Ты же в обиде не будешь?

– Сама разберётся, – уклончиво ответил я. Не походил Вендж на парня, который бы Мире понравился. Может он и не дурак, и даже немного в магии понимает, но слишком уж самонадеянный и самодовольный.

– Ясно. – Вендж напыжился так, будто уже получил от Мины все возможные знаки любви и внимания. – Ну пойду я, мне ещё ужин подавать. Мы гостей-то не звали, доктор Сект один живёт...

– Точно у него не было внучки? – всё-таки спросил я.

– Он и женат не был, – сказал Вендж и тут же изрёк такую пафосную глупость, что услышь его Мира – захохотала бы в голос. – Для настоящего учёного семья – это наука, а любовь – это знания!

– А потом учёные ходят по публичным девкам, делают глупости и получают дурные болезни... – тихо сказал я, когда Вендж вышел.

Когда мы с Мирой вошли в столовую залу, Сект уже сидел во главе стола, а Вендж расставлял последние блюда. Бы-

ло их, впрочем, немного – два сорта холодного варёного мяса, хлеб, овощи, бутылка вина. Одежда, которую мне принёс Вендж, оказалась впору и не одеждой слуги, как я опасался, а костюмом благородного господина. Старомодным – возможно, его носил сам Сект в юности. Но чем хороши костюмы богачей – они особо не меняются. То две пуговицы на камзоле в моде, то три, то четыре, а всё остальное неизменно. Мира осталась в своём.

– Гостей не ждал, – сказал Сект. – Готовить не умею, астряпня Венджа годится только монстрам. Но вино должно быть хорошим.

Он подумал и уточнил:

– Сам я, впрочем, не пью.

Мира налила себе вина. Мне и Секту Вендж налил воды из кувшина. Надеюсь, это была не та вода, что текла из труб.

– Ты свободен, – бросил Сект слуге. – Утром как обычно.

Как ни странно, но Вендж ничуть не огорчился, что его отсылают. Поклонился доктору, почти дружески кивнул мне – и ушёл.

– Я готов обрисовать вам сложившуюся ситуацию, – сказал Сект, протирая очки. – Вы можете продолжать ужин.

С нашей стороны возражений не последовало. Сект посмотрел вслед Венджу и вздохнул:

– Небесталанный юноша. Но совмещает искреннее самодовольство с ленивым любопытством. Непозволительно для натурфилософа... Итак. Вы хотите знать, что за тварь при-

вели в мой дом?

– Хотелось бы, – сказал я. – Тропический людоящер?

– Не совсем. Людоящеры ещё меньше, чешуя их не столь прочна и они немногим умнее животных. Копья и силки – вот вершина их эволюции. Они живут стаями, не строят настоящих домов и речь их крайне скудна. Но в них есть потенциал, который можно использовать при скрещивании с человеком.

– Тьфу! – воскликнула Мира. – Какая гадость!

– Я веду речь не о плотской любви, – сказал Сект. – Искусство натурфилософии, подкреплённое толикой магии, позволяет соединить воедино различные существа, сплавлять плоть и соединять разум. Так когда-то были выведены грифоны, мантикоры, русалки, кентавры. Но уже столетия, как благородное искусство создания гибридов безвозвратно утеряно, а немногие выжившие твари слишком ценны для использования.

– Благородное, – фыркнула Мира, нарезая на тарелке мясо. – На столе не гибриды, надеюсь?

– Есть их было бы слишком расточительно и опасно, – ответил Сект. С юмором у него всё было сложно. – Так вот, наш повелитель восемь... нет, уже девять лет назад собрал натурфилософов и предложил возродить гибридов. Создать новое существо – с разумом человека, послушанием собаки и силой медведя. – Сект презрительно усмехнулся: – Самые глупые принялись помещать человеческий мозг в медвежье

тело и пришивать к нему собачьи железы. Но медведь для натурфилософии не пригоден, ни с чем не уживается. Я же сразу обратил внимание на людоящеров. Они слабы и глупы, но их тела – прекрасная основа для экспериментов. Всё шло хорошо, некоторые особи показывали любопытные результаты. – Сект помолчал. – Я даже отослал результаты экспериментов в канцелярию Властелина и получил одобрение. А потом... три года назад моя лаборатория была разграблена, все результаты экспериментов исчезли. Среди бела дня! Я отлучился из дома на несколько часов, в доме была охрана, все двери были заперты и руны активированы. Но когда я вернулся, то всё надо было начинать с самого начала. Даже вольер с людоящерами, привезёнными для экспериментов, был пуст.

– А охрана? – заинтересовалась Мира.

– Жива. Все клялись, что не слышали ни звука и не видели ни тени.

– Магия, – сказал я с уважением. – И судя по объёму работы, кто-то нанял целую группу магов. Один бы надорвался, очищая лабораторию через руну переноса.

– Собственно говоря, вот и всё. – Сект крутил в руках бокал с водой. – Я был в отчаянии. Если бы не Вендж с его наивной верой в мой гений – мог бы и покончить с собой. Все эти годы я пытался повторить свои наработки, но многое забылось, да и времени катастрофически не хватало. И тут я узнал, что доктор Ирбран, этот заносчивый мерзавец, два

года назад создал чешуйчатого монстра, явно на основе людоящера. Только ему могло хватить наглости и денег, чтобы обокрасть меня! И, к сожалению, ума – чтобы воспользоваться наработками.

– Можете это доказать? – заинтересовался я.

– Нет, – Сект нахмурился. – Я уверен, что он виноват. Его лабораторный журнал однозначно свидетельствует, что Ирбран сменил направление экспериментов как раз после того, как меня обокрали. Но он не дурак и нигде этого прямо не говорит.

– Гадость эта ваша наука, – сказала Мира.

– В познании нет ничего гадкого, – ответил Сект.

– Людей с животными соединять – мерзко!

– Я не соединял, – буркнул Сект. – Потому и не добился успеха, вероятно. Я пытался развить природный разум людоящеров и придать им больше силы и послушания. С силой и послушанием получалось, с умом – ничего. А вот Ирбран – да. Он добавил к монстру человеческую часть. Это существо – гибрид человеческого ребёнка, людоящера и, возможно, какого-то насекомого. Полагаю, что...

– Тьфу! Бе!.. – воскликнула Мира, отодвигая тарелку. – Вот даже не хочу знать, какого! Вы мне аппетит испортили! Сект пожал плечами. Вздыхнул:

– Может, и не насекомое. Может, броненосец или чешуйчатая пума. К сожалению, я пока не могу найти выход из сложившейся ситуации. Вас я подставил, юноша, каюсь. Вы со-

вершили ограбление без лицензии. Доказать, что Ирбран – вор, я пока не могу. Человек я не бедный, но Ирбран богаче, а его успехи сделали его вхожим в канцелярию Тёмного Властелина.

– Вы подписали мне бумагу! – напомнил я. – Обещали помощь!

– Да, да, – Сект кивнул. – Я не отказываюсь. Вы в безопасности в моём доме. Завтра я свяжусь с теми немногими знакомыми, кто вхож в высшие сферы. И буду требовать аудиенции у повелителя.

– А если откажут? – спросил я.

– Тогда я сделаю признание. Сообщу, что обманул вас, юноша, и выдвину обвинения в адрес Ирбрана. Будет большой скандал! Репутация его будет безнадёжно испорчена, а Тёмному Властелину придётся так или иначе вмешаться. Он не любит скандалов!

Доктор Сект воинственно блеснул очками.

Мы с Мирой переглянулись.

Не такой уж я наивный, чтобы поверить, что натурфилософ Сект внезапно раскается и решит пострадать из-за меня. Не бывает такого с господами учёными.

А вот злость на Ирбрана и уверенность в его вине и впрямь могут заставить Секта поднять шум. Мы с Мирой – птицы невысокого полёта, в начавшейся перебранке на нас и внимания не обратят.

– Очень разумный план, доктор Сект, – одобрил я. – Нель-

зя оставлять такие вещи безнаказанными. Что станет с наукой, если учёные примутся воровать друг у друга идеи?

— А вы умны для своего возраста, юноша, — благосклонно кивнул мне Сект. — Да, нельзя чистое знание марать обманом и низкой кражей!

Похоже, он ничуть не видел противоречия своих слов и поступков — ведь и сам обманом вынудил меня к краже! А уж о том, что натурфилософы в своих лабораториях творили с животными и людьми, Сект и в принципе не задумывался.

Удивительные вещи наука делает с людьми.

Не могу сказать, что поздний ужин с доктором Сектом меня совсем уж успокоил. Всё-таки я понимал, что по сравнению с Ирбраном мой покровитель слабоват.

Но я вымылся, хорошо поел и даже выпил два глотка вина (оно оказалось сладким и вкусным). Кровать оказалась мягче, чем выглядела. Пыль я из комнаты вымел, в открытое окно задувал свежий прохладный воздух.

Так что уснул я мгновенно.

Мне даже приснился какой-то странный сон, в котором я снова мылся в ванне, но вместо слуги в дверь вошла Мира и тоже стала раздеваться, чтобы вымыться. Я с ней спорил, но как-то вполсилы, и она уже стала расстёгивать платье...

И тут я почувствовал магию. Сразу осознал, что сплю. Мира исчезла, а я раскрыл глаза. В комнате было темно, в доме тихо.

Чем лучше активирована руна, тем труднее это почувствовать. Если ты правильно, соразмерно нужной работе влил в неё время, то всё оно превратится в волшебство и сгорит без остатка. Но если дать руне больше времени, чем нужно, то остаточная сырая магия будет ощутима.

Вот сейчас кто-то недалеко от меня потратил лишние пару суток...

Мира?

Я вскочил, стараясь не шуметь, натянул штаны и надел ботинки. Всё было тихо. Выйдя из комнаты, я приложил ухо к двери, ведущей в спальню Мира. Ни звука. Слабый свет из окна не давал возможности ориентироваться, поэтому я зажёл совсем уж крошечный огонёк и пошёл по коридору в сторону лаборатории. Это сейчас самое ценное место в доме.

Магия.

Доктор Сект волшебством не владел.

Значит...

Дверь в лабораторию была приоткрыта, внутри горел свет. Я осторожно заглянул внутрь и похвалил себя за догадливость. Вендж, верный слуга доктора Секта и маг-недоучка, которому было так неинтересно всё связанное с монстром, стоял перед клеткой и смотрел на чешуйчатую тварь. Та замерла напротив, слегка раскачиваясь вправо-влево и раскинув руки. Готовилась драться? Или обнимать Венджа? У ног твари стояла миска с водой и миска с чем-то, похожим на остатки ужина. Я смутился, сообразив, что вчера совершен-

но не озаботился кормлением несчастного монстра.

Вендж протянул к клетке руку, и я ощутил руну Турс – времени опять было потрачено больше, чем нужно, но эффект последовал незамедлительно. Прутья клетки – толстые, укреплённые рунами, разошлись, образуя дыру, сквозь которую вполне мог протиснуться человек, не то что мелкий монстр.

Чешуйчатая «девочка» сразу же рванулась вперёд, и Вендж хладнокровно впечатал в неё руну Феху, да ещё с какими-то хитрыми расширениями. Феху – руна имущества и скота. А ещё она руна плодородия и любви – ну вот так получилось, почему-то обилие имущества сразу вызывает у всех любовь...

Эффект, похоже, был таким же, как от мерзкой тропической лианы – любовь и желание повиноваться. Мелкий монстр остановился, будто уткнулся в стену. Вендж рассмеялся, но как-то натужно. И я понял, что он никак не может закрепить руну: «девочка» сопротивляется, и руна всё пьёт и пьёт из Венджа время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.